

Бернар

Вербер

Танатонавты

От автора романов
«Империя ангелов» и «Ящик Пандоры»

Танатонавты

Бернар Вербер

Танатонавты

«ЭКСМО»

1994

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44

Вербер Б.

Танатонавты / Б. Вербер — «Эксмо», 1994 — (Танатонавты)

ISBN 978-5-04-116071-5

Смерть. Точка невозврата, которая заставляет живущих ощущать растерянность и страх. Оттуда еще никто не возвращался и там, за гранью жизни, никто еще не бывал в качестве гостя. Однако с изобретением танатонавтики все меняется. Несколько смельчаков изобрели способ путешествовать по краю теней, а это повлекло за собой непредсказуемые последствия – ведь каждая конфессия желает доказать свою правоту и колонизировать загробный мир.

УДК 821.133.1-3

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-116071-5

© Вербер Б., 1994

© Эксмо, 1994

Содержание

Эпоха первая:	6
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Бернар Вербер

Танатонавты

© Судакевич И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Словарь

ТАНАТОНАВТ, сущ., м.р. (от греч. *thanatos*, «смерть», и *nautês*, «мореплаватель»). Разведчик смерти.

Учебник истории

ДАТЫ ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

1492 г.: Первые шаги на Американском континенте

1969 г.: Первые шаги на Луне

2062 г.: Первые шаги на континенте мертвых

2068 г.: Первые публикации о пути к реинкарнации

Из учебника для 2-го класса

Эпоха первая: Мастера на все руки

1. Учебник истории

Когда-то все люди боялись смерти. Словно постоянный шумовой фон, напоминала она о себе каждую секунду. Всякий знал, что в конце всех его деяний ждет неумолимое исчезновение. Это отравляло любую радость.

Буди Аллен, американский философ конца XX века, так отразил царившие в ту эпоху настроения: «Пока человек смертен, он до конца не расслабится».

Учебник истории, вводный курс для 2-го класса¹

2. Личный дневник Мишеля Пинсона

Есть ли у меня право об этом говорить?

Даже сейчас – а ведь сколько времени прошло! – мне трудно поверить, что все так и было. Мне трудно поверить, что я принял участие в столь грандиозной эпопее. Мне трудно поверить, что я выжил и могу о ней рассказать.

Похоже, никто не знал, что все произойдет так быстро и зайдет так далеко. Никто не знал.

Что нас толкнуло на этот идиотизм? Не знаю. Может, что-то от той глупости, которую называют «любопытство»? То самое любопытство, которое тянет нас заглянуть в пропасть, чтобы представить, каким жутким будет падение, стоит только сделать еще один шаг...

А может, все дело в потребности почувствовать вкус авантюры, вкус приключения в этом обленившемся и скучном мире?

Кое-кто говорит: «Так было предначертано, это должно было так случиться». Ну, не знаю, я не верю в предначертанную судьбу. Я верю, что у людей есть выбор. Именно он-то и определяет судьбу, а может статься, человеческий выбор определяет и саму Вселенную.

Я помню все, каждый эпизод, каждое слово, каждое событие этого великого приключения.

Есть ли у меня право обо всем вам рассказать?

Орел: я расскажу. Решка: сохраню в тайне.

Орел.

Что ж, если я должен отыскать истоки всех развернувшихся событий, мне придется заглянуть далеко, далеко назад, в свое собственное прошлое...

3. Полицейское досье

На запрос по поводу основных сведений

Фамилия: Пинсон

Имя: Мишель

Цвет волос: шатен

Глаза: карие

¹ Во Франции отсчет классов в школе идет в порядке, обратном нашему: выпускной класс – первый. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Рост: 1 метр 75 см

Особые приметы: нет

Примечание: пионер движения танатонавтов

Слабое место: недостает уверенности в себе

4. Для Дюпона нет препона

Как и у всех детей, у меня тоже имелся день «С», день открытия Смерти. Мой первый мертвец был вполне обычным человеком, хоть и привыкшим жить среди трупов. Это мсье Дюпон, наш мясник. На витрине огромными буквами красовался его девиз: «Для Дюпона нет препона». Однажды утром мать сообщила, что не смогла купить вырезку к завтрашнему воскресному обеду, потому как мсье Дюпон умер. Его задавила туша белой шаролейской говядины, которая неожиданно сорвалась с крюка.

Мне, кажется, было тогда годика четыре. Тут же я спросил у матери, что значит это слово: «У.М.Е.Р.».

Она остановилась в замешательстве, прямо как в тот случай, когда я поинтересовался, не выечат ли противозачаточные пилюли мой кашель.

Мать опустила глаза.

– Ну... э-э... «умер» – это значит: его здесь больше нет.

– Это как из комнаты уйти?

– Не только из комнаты. Это значит также уйти из дома, города, страны.

– Ага, далекое путешествие? Как бы на каникулы?

– Э-э... нет, не совсем так. Потому что, когда человек умирает, он больше не двигается.

– Не двигается, но далеко уезжает? Обалдеть! Как такое возможно?

Пожалуй, как раз эта неудачная попытка объяснить кончину мясника Дюпона и оставила во мне почву для любопытства, на которой – гораздо позднее – Рауль Разорбак смог посадить ростки своих фантазмагорий.

По крайней мере, мне так кажется.

Три месяца спустя, когда сообщили, что моя прабабушка Аглая умерла, то я, как рассказывают, воскликнул: «И она тоже?! Ничего себе, никогда не думал, что она на это способна!» Рассвирепевший, дико вращающий глазами прадедушка выкрикнул фразу, которую я никогда не забуду:

– Да ты что, не знаешь, что *смерть – это самое страшное, что только может случиться!*

Нет. Этого я не знал.

– Ну... я думал, что... – стал мямлить я.

– *С такими вещами не шутят!* – добавил он, чтоб вогнать гвоздь глубже. – Если есть на свете вещь, с которой никто не шутит, так это смерть!

Потом эстафетную палочку принял папаша. Все они хотели мне втолковать, что смерть – это абсолютное табу. О ней не говорят, о ней не вспоминают, а если и произносят ее имя, то только со страхом и почтением. И в любом случае нельзя упоминать это слово всуе, потому как, дескать, это приносит несчастье.

Меня трясли и пихали.

– Твоя прабабушка Аглая умерла. Это ужасно. Если б ты не был таким бессердечным... ты бы рыдал!

Тут надо сказать, что к рассвету из моего братца Конрада натекло, как из половой тряпки, если ее выжать.

Ага, когда люди умирают, нужно плакать? Мне никто ничего не говорил. А если о кое-каких вещах не принято упоминать, то могли бы и предупредить, что ли.

Чтобы помочь мне заплакать, отец, раздраженный такой несовершеннолетней наглостью, подарил, среди прочего, пару оплеух. С их помощью он надеялся, что я запомню, во-первых, что «смерть – это самое страшное, что только может случиться», и во-вторых, что «с такими вещами не шутят».

– Ты почему не плачешь? – опять стал приставать отец, вернувшись с похорон прабабушки Аглаи.

– Оставь его в покое, Мишелю пяти еще нет, он даже не знает, что такое смерть, – попыталась заступиться мать.

– Он отлично знает, он только думает, что для него смерть других неважна. Слушай, когда мы с тобой умрем, он и слезинки не проронит!

Вот так я начал всерьез понимать, что со смертью не шутят. Впоследствии, когда мне сообщали о чьей-то кончине, я изо всех сил старался думать о чем-нибудь печальном... о стеблях вареного шпината, например. Слезы появлялись сами собой, и все были довольны.

Потом у меня состоялся более прямой контакт со смертью. В смысле, когда мне было семь лет от роду, я сам умер. Это событие произошло в феврале, в ясный чистый день. Надо сказать, что перед этим у нас был очень мягкий январь, а часто, знаете, бывает, что за мягким январем идет солнечный февраль.

5. Где герой в конце умирает

– *Осторожно!*

– Да что ж он...

– Господи!

– Смотри! Куда ты бе...

– Не-е-т!!!..

Долгий скрип тормозов. Глухой и мягкий звук удара. Я бегу за своим мячом, который выкатился на шоссе, и бампер зеленой спортивной машины подрезает меня точно под коленками, где самая нежная кожа. Ноги отрываются от земли. Меня катапультирует в небо.

Воздух свистит в ушах. Я лечу поверх солнца. Свежий ветер врывается в мой распахнутый рот. С земли, далеко внизу, на меня уставились испуганные зеваки.

Кричит какая-то женщина, завидев, что я взрываю ввысь. Кровь сбегает с моих штанов и собирается в лужу на асфальте.

Все происходит, как в замедленной съемке. Я лечу на уровне крыш и разглядываю силуэты, снующие в мансардах. И тут впервые в моей голове проскакивает вопрос, над которым я так часто потом думал: «Чем это я тут занимаюсь?»

Да, в это мгновенье, подвешенный в небе на долю секунды, я понял, что ничего не понимал.

Кто я?

Откуда я?

И куда?

Извечные вопросы. Каждый их себе когда-то задает. Что до меня, я их себе задал в минуту собственной же смерти.

Я взлетел очень быстро и столь же быстро упал. Ударился плечом о капот зеленой спортивной машины. Отскочил и врезался головой в бордюрный камень. Треск. Глухой удар. Надо мной склонились перепуганные лица.

Я захотел что-то сказать, но не смог ничего сделать – ни заговорить, ни пошевелиться. Солнечный свет начал медленно угасать. Впрочем, в феврале солнце все равно еще несильное. Чувствовалось, что мартовские дожди не за горами. Небо постепенно гасло. Вскоре я оказался в темноте, тишине. Потом исчез запах, потом осязание, потом – ничего. Занавес.

Мне было семь. И я умер в первый раз.

6. Реклама

«Жизнь прекрасна. Не слушайте болтунов. Жизнь прекрасна. Жизнь – это продукт, проверенный и одобренный шестьюдесятью шестью миллиардами человек на протяжении трех миллионов лет. Вот вам доказательство ее несравненного качества».

Обращение НАПроЖ,

Национального Агентства по пропаганде жизни

7. Учебник истории

«До появления танатонавтов смерть считалась одним из принципиальных табу человечества. Чтобы лучше бороться с таким имиджем, люди прибегали к ментальным приемам, которые мы квалифицируем как „предрассудки“. К примеру, некоторые полагали, что металлическая фигурка св. Христофора, подвешенная над приборной доской автомобиля, позволяет избежать гибели в ДТП.

До XXI столетия бытовала такая шутка: „Чем крупнее св. Христофор, тем больше у водителя шансов из-под него выбраться при аварии“».

Учебник истории, вводный курс для 2-го класса

8. Где герой мертв меньше, чем можно было подумать

Да подождите вы. Ничего такого ужасного не случилось.

Прадедушка был не прав. Умереть – это не так уж и страшно. Просто ничего не происходит, вот и все.

Тьма и тишина длились очень долго.

Наконец я открыл глаза. В дымчатом обрамлении света появился изящный силуэт. Ангел, ясное дело.

Ангел склонился надо мной. Как ни странно, этот ангел напоминал женщину, но она была такой прекрасной, каких вы никогда на земле не увидите. Блондинка, с карими глазами.

Абрикосовый запах ее духов.

Вокруг нас все было белое и торжественное.

Должно быть, я оказался в раю, потому что ангел мне улыбнулся.

– Ак... ы... бя... ю... те.

Ангел, надо полагать, говорил со мной на ихнем языке. Ангельский жаргон непостижим для не-ангелов.

– У... ас... ет... атуры.

Она терпеливо повторила этот псалом и коснулась моих волос своей сладкой и прохладной рукой.

– У вас... нет... температуры.

Я недоуменно огляделся вокруг.

– Ну как? Вы меня понимаете? У вас нет температуры.

– Где я? В раю?

– Нет. В реанимационном отделении больницы Сен-Луи.

Ангел стал меня успокаивать.

– Вы не умерли. Просто несколько ушибов. Вам повезло, что капот машины амортизировал падение. Только одна приличная рана под коленкой.

– Я был без сознания?

– Да, три часа.

Я был без сознания три часа и ничего об этом не помнил! Ни малейшей мысли или ощущения. Три часа ничего не было.

Медсестра подложила мне под спину подушку, чтобы я смог сесть поудобнее. Может, я и был мертв три часа подряд, но мне не было ни жарко, ни холодно.

Но, с другой стороны, вот отчего у меня дико разболелась голова, так это от появления моей семейки. Они были все такие ласковые и слезливые, будто я и впрямь лежал при последнем издыхании. Народ был убежден, что я в большой опасности. «Мы страшно волновались», – возбужденно вталкивали они. У меня было такое чувство, что родственнички как-то даже немного досадовали, что я выкарабкался. Вот если б я умер, они бы меня еще больше жалели. Одним махом я приобрел бы все мыслимые добродетели.

9. Полицейское досье

На запрос по поводу психических характеристик гражданина Мишеля Пинсона

Объект в целом выглядит нормальным. Вместе с тем наблюдается определенная психическая хрупкость, обусловленная очень строгой обстановкой в доме. Объект живет постоянно в сомнении. Для него всегда прав тот, кто высказывается последним. Игнорирует свои желания. Не понимает современности. Имеют место легкие параноидальные тенденции.

Для сведения: родители сочли правильным не сообщать означенному лицу, что он был усыновлен в младенчестве.

10. Стервятник

Эта первая экскурсия из жизни не научила меня ничему особенному о смерти, если не считать, что она еще долго была источником беспокойства для нашей семьи.

Затем, к восьми-деяти годам эта тема стала интересовать меня больше, но на этот раз речь шла о смерти других. Надо пояснить, что хочешь не хочешь, а каждый вечер по телевизору, в двадцатичасовом блоке новостей, говорили про смерть. Сначала про убитых на какой-нибудь войне. Они носили зеленые или красные мундиры. Потом шли те, кто умер по дороге на курорт: пестрые, кричащие одежды. И наконец, покойники-знаменитости: в блестящих костюмах.

В телевизоре все проще, чем в жизни. Сразу понятно, что смерть – вещь печальная, потому что картинки сопровождалась похоронной музыкой. Телевидение – это доступно даже младенцам и дебилам. Убитые на войне имели право на симфонию Бетховена, курортники – на концерт Вивальди, а умершие от передозировки «звезды» – на тягучие виолончели Моцарта.

Я не преминул про себя отметить, что с кончиной таких «звезд» продажа их дисков тут же подскакивала, их фильмы вновь и вновь мелькали на телеэкранах, а весь свет на все лады расхваливал покойников. Будто смерть стирала все их прегрешения. Более того: уход из жизни не мешал артистам работать. Лучшие диски Джона Леннона, Джимми Хендрикса или Джима Моррисона появились на рынке намного позже их смерти.

Мои следующие по счету похороны были связаны с дядей Норбером. «Замечательный человек», – убеждали друг друга участники похоронного кортежа. Между прочим, там же я впервые услышал знаменитое высказывание: «Лучшие всегда уходят первыми». Мне не было еще восьми, но я никак не мог избавиться от мысли: «Что ж такое получается, вокруг остались одни плохие?!»

На этих похоронах я выглядел безупречно. После ухода почетного караула я сосредоточился на вареном шпинате. Еще лучше удалось занять после добавки анчоусов. Даже братец Конрад и тот не смог достичь высот моей слезливой скорби.

Прибыв на кладбище Пер-Лашез, я добавил в меню своих слез спаржу и телячьи мозги с горошком. Во тошниловка-то! В небольшой толпе кто-то прошептал: «А я и не знал, что Мишель был так близок с дядей Норбером». Мать заметила, что это тем более поразительно, поскольку я, честно говоря, никогда его и не видел. Это не помешало мне открыть рецепт успешных похорон: шпинат, анчоусы, спаржа и телячьи мозги.

Всем замечательный день, потому как я, помимо всего прочего, в этот раз впервые встретился с Раулем Разорбаком.

Мы собрались перед могилой моего покойного дядюшки Норбера, и тут я чуть в стороне от нас заметил нечто, показавшееся мне сначала стервятником, сидящим над гробницей. К хищной птице, впрочем, оно не имело отношения. Это был Рауль.

Воспользовавшись моментом, когда за мной никто не следил – в конце концов, свою норму слез я отработал, – я приблизился к мрачному силуэту. Нечто долговязое одиноко сидело на могильном камне, упершись взглядом в небо.

– Бонжур, – вежливо произнес я. – А что вы здесь делаете?

Молчание. Вблизи стервятник выглядел похожим на мальчишку. Худой, с изнуренным лицом, чьи скулы подпирали очки в черепаховой оправе. Узкие, рафинированные руки лежали на коленях, словно два притихших паука, ожидающих приказа своего повелителя. Мальчишка опустил голову и посмотрел на меня спокойным и глубоким взглядом, который мне никогда не встречался среди ровесников.

Я повторил свой вопрос:

– Ну так что же вы тут делаете?

Рука-паук взметнулась вдоль пальто и уткнулась в длинный и прямой нос.

– Можешь на «ты», – торжественно объявил он.

И затем пояснил:

– Сижу вот на могиле своего отца. Пытаюсь понять, что он мне говорит.

Я расхохотался. Он немного поколебался, а потом сам стал смеяться. А что еще остается делать, кроме как смеяться над тощим мальчишкой, часами сидящим на могильном камне и глазеющем на вереницы облаков?

– Тебя как зовут?

– Рауль Разорбак. Можешь звать просто Рауль. А тебя?

– Мишель Пинсон. Зови меня просто Мишель.

Он смерил меня взглядом.

– Пинсон? Хорош птенчик!²

Я попытался сохранить невозмутимость. Была у меня одна фраза на все такие деликатные случаи.

– Сам такой!

А он опять засмеялся.

11. Полицейское досье

На запрос по поводу основных сведений

Фамилия: Разорбак

Имя: Рауль

Цвет волос: шатен

² «Пинсон» по-французски означает «зяблик».

Глаза: карие

Рост: 1 метр 90 см

Особые приметы: носит очки

Примечание: пионер движения танатонавтов

Слабое место: чрезмерная самоуверенность

12. Дружба

Затем мы с Раулем стали встречаться каждую среду после обеда на кладбище Пер-Лашез. Мне очень нравилось вышагивать рядом с его худосочным силуэтом. Кроме того, у него всегда были для меня разные фантастические истории.

– Мы родились слишком поздно, Мишель.

– Это почему?

– Потому что все уже изобретено, все уже исследовано. У меня мечта была стать изобретателем пороха или электричества, не говоря уж о том, чтобы самым первым изготовить лук и стрелы. А остается довольствоваться ничем. Все уже пооткрывали. Жизнь идет быстрее научной фантастики. Нет больше изобретателей, остались одни последователи. Люди, которые совершенствуют то, что было уже давно открыто другими. Теми самыми людьми, которые, как сказал Эйнштейн, испытали фантастическое чувство лишения невинности новых вселенных. Ты представляешь, как у него голова кружилась, когда он понял, как можно рассчитать скорость света?!

Нет, этого я не представлял.

Рауль расстроено посмотрел на меня.

– Мишель, тебе читать надо больше. Мир делится на две категории людей: на тех, кто читает книги, и других, которые слушают тех, кто читает. Лучше принадлежать к первой категории, я так полагаю.

Я ответил, что он говорит ну в точности как книжка, и мы оба рассмеялись. Каждому своя роль: Рауль излагал всякие факты, я шутил, потом мы оба хохотали. По сути дела, мы смеялись вообще безо всякого повода, просто так, до колик в животе.

Как ни крути, а Рауль прочел целые горы книг. Между прочим, именно он привил мне вкус к чтению, познакомив с авторами, известными также как «писатели иррационального»: Рабле, Эдгар Аллан По, Льюис Кэрролл, Герберт Уэллс, Жюль Верн, Айзек Азимов, Франк Герберт, Филип Дик.

– «Писатели иррационального»? Да ведь таких нет! – объяснял Рауль. – Большинство писателей воображают, что либо их никто не понимает, либо они выглядят интеллектуалами. Они растягивают свои предложения на двадцать строк. Потом они получают литературные призы, а потом люди покупают ихние книжки для украшения своих салонов, заставляя своих знакомых думать, что они тоже умственно изощренные. Да я даже сам листал книжки, в которых ничего не происходит. Вообще ничего. Приходит некто, видит красивую женщину, начинает ее обхаживать. Она ему говорит, что не знает, будет она с ним спать или нет. К концу восьмисотой страницы она решает-таки ему объявить категорический отказ.

– Но какой интерес писать книжки, где вообще ничего не происходит? – спросил я его.

– Понятия не имею. Недостаток воображения. Отсюда и берутся биографии и автобиографии, сентиментальные и всякие прочие... Писатели, неспособные придумать новый мир, могут описать лишь только свой собственный, каким бы скучным он ни был. Даже в литературе нет больше изобретателей. И что же? Не обладая глубиной, писатели приукрашивают свой стиль, прихорашивают форму. Изобрази на дюжине страниц свои страдания от какого-нибудь фурункула, и у тебя появятся шансы получить Гонкуровскую премию...

Мы оба ухмыляемся.

– Поверь мне, если б гомеровская *Одиссея* была опубликована впервые сегодня, она бы не появилась в списке бестселлеров. Ее бы зачислили среди книг фантастики и ужасов. Ее бы читали только такие ребята, как мы, ради историй про циклопов, волшебников, сирен и прочих монстров.

Рауль от рождения был одарен редкой способностью судить обо всем самостоятельно. Он не повторял заученно идеи, навязываемые телевизором или газетами. Что меня к нему влекло, так это, как я считаю, его свобода духа, его сопротивление всякому влиянию. Этим он был обязан своему отцу – профессору философии, как подчеркивал Рауль, который привил ему любовь к книгам. Рауль читал почти по книге в день. В особенности фэнтези и научную фантастику.

– Секрет свободы, – любил говорить он, – это библиотека.

13. Следите за своими внутренностями!

Как-то в среду после обеда, когда мы сидели на скамейке и молча созерцали облака, раскинутые над кладбищем, Рауль достал из портфеля толстую тетрадь и, открыв ее, показал мне страницу, которую он, должно быть, выдрал из книги про античную мифологию.

На ней была картинка, изображающая древнеегипетскую барку, а также различные персонажи.

Он прокомментировал:

– В центре лодки Ра, бог солнца. Перед ним на коленях стоит покойник. Вот здесь и здесь два других божества: Изида и Нефтис.левой рукой Изида показывает направление, а в правой держит анзейский крест с овалом³, символ вечности, которая ожидает путешественника в потустороннем мире.

– Египтяне верили в потусторонний мир?

– Ясное дело. А вот тут, в крайнем левом углу, можно видеть Анубиса с головой шакала. Именно он сопровождает покойника, потому что у него в руке урна с желудком и кишками.

Меня чуть не вырвало.

Рауль заговорил профессорским тоном:

– «Все мертвые должны следить, чтобы никто не украл их внутренности», – гласит древнеегипетская поговорка.

Он перевернул страницу и перешел к другим картинкам.

– Вот очередной мертвец залезает на барку. Его встречает либо Ра собственной персоной, либо свинья. Свинья пожирает души проклятых и препроводит их в ад, где царят жестокие палачи, подвергающие их тысяче пыток своими крючковатыми пальцами с длинными и острыми когтями.

– Страсти-то какие!

Рауль посоветовал мне воздержаться от скороспелых суждений.

– Если же Ра лично соблаговолит встретить мертвеца, все будет хорошо. Покойник встанет рядом с божествами, и барка начнет скользить по реке, увлекаемая длинной веревкой, которая есть не что иное, как живой змий.

– Здрóрово!

Рауль возвел очи горé. Своим попеременным энтузиазмом и тошнотой я начал его утомлять. Тем не менее он продолжил. В конце концов, я был его единственным слушателем.

– Этот змий – добрый удав, который отпугивает врагов света. Он старается как может, но есть еще одна рептилия, злобная такая, Апофиз. Это реинкарнация Сета, бога зла. Он крутится вокруг барки, пытаясь ее опрокинуть. Изредка он высказывает наружу и плюется огнем. Он

³ В египтологии этот крест называется *Анкх*. У него над поперечной планкой вытянутый вверх овал.

ходит кругами и выпрыгивает из пучины вод в надежде заглотить перепуганную душу покойника. Если все окончится благополучно, лодка мертвых продолжит свой путь, скользя по подземной реке, пересекающей дюжину нижних миров. По пути их поджидает множество опасностей. Нужно пересечь врата ада, обойти стороной водяных чудовищ, уберечься от летающих демонов. Но если мертвец сумеет пройти все испытания, он...

К моему великому огорчению, Рауль на этом умолк.

– Продолжим на следующей неделе. Уже семь, моя мать сейчас начнет волноваться.

Мое разочарование его рассмешило.

– Всеу свое время. Не будем торопиться.

Следующей ночью мне впервые приснился сон, будто я лечу сквозь облака. Я лечу словно птица. Нет, я сам стал птицей. И я лечу, лечу... И вдруг, огибая облако, я вижу женщину, одетую во все белое. Она сидит на облаке и очень красива, такая юная и стройная. Я приближаюсь к ней и вижу, что у нее в руке маска, закрывающая лицо. Еще ближе, и я дергаюсь от ужаса. Это не маска, это череп, зияющие глазницы, застывший в гримасе безгубый рот...

Я проснулся весь в поту. Прыжком я соскочил с кровати, помчался в ванную и сунул голову под кран с холодной водой, чтобы смыть этот кошмар.

На другой день, за завтраком, я спросил у матери:

– Мам, ты веришь, что можно летать как птица?

Может, я немножко спятил из-за того случая с машиной? Она бросила на меня странный взгляд.

– Хватит болтать ерунду и ешь свою кашу.

14. Мифология Месопотамии

«Куда идешь ты, Гильгамеш?
Пока людей ваяют боги,
И их же обрекают вслед на смерть,
Ту жизнь, которую ты ищешь,
Ты не найдешь. Себе одним
Те боги сохраняют
Жизнь вечную».

*«Сказание о Гильгамеше». Отрывок из работы Френсиса
Разорбака «Эта неизвестная смерть»*

15. У Рауля не все дома

Всякий раз, встречаясь на кладбище Пер-Лашез, мы говорили с Раулем о смерти. В смысле, говорил-то Рауль, а я только слушал. Ничего такого нездорового, грязного или там скабрезного в этих разговорах не было. Мы просто обсуждали смерть как некий интересный феномен, точно так же, как могли бы говорить про инопланетян или мотоциклы.

– А мне сон приснился, – сообщил я.

Я хотел рассказать ему про ту женщину в белом атласном платье и с маской скелета, что сидела на небе, но Рауль не дал на это времени. Он тут же меня прервал:

– Да-да, у меня тоже был сон. Я изготовил огненную колесницу. Взобрался на нее, и пылающие кони понесли меня к солнцу. Нужно было пересечь кольца огня, чтобы добраться до звезд, и чем дальше я углублялся в эти самые кольца, тем больше у меня возникало чувство, что я понимаю суть вещей.

Уже позднее я осознал, что вовсе не случайно Рауля интересовала смерть. Как-то вечером, вернувшись из школы, он напрямик направился в туалет и там нашел своего отца, висящего над унитазом. Френсис Разорбак был профессором философии при лицее Жан-Жоре, что в Париже.

Неужели Френсис Разорбак обнаружил нечто настолько интересное про тот свет, что пожелал покинуть этот?

Именно так и считал Рауль. Его отец умер вовсе не от горя или кому-то назло. Он умер, чтобы лучше понять тайну. К тому же мой друг был в этом тем более убежден, раз в течение многих месяцев его отец работал над диссертацией, озаглавленной «*Эта неизвестная смерть*».

Он, без сомнения, обнаружил что-то очень важное, так как прямо перед тем как повеситься, бросил свою книгу в огонь. Обугленные листы еще витали в печной трубе, когда Рауль нашел его тело. Уцелело только порядка сотни страниц. Они касались античной мифологии и культа мертвых.

После таких событий Рауль ни на минуту не переставал обо всем этом думать. Что же такое важное раскопал его отец? Что вообще собирался он отыскать в смерти?

В день похорон Рауль не плакал. Но как раз ему-то никто не сделал замечаний. Ни малейшего упрека. Слышно было только: «Этот бедняжка настолько травмирован самоубийством своего отца, что не способен даже плакать». Кабы я знал это раньше, то полегче налегал бы на свой рецепт из телячьих мозгов с вареным шпинатом и последовал его примеру.

Едва только похоронили его отца, как отношение матери к Раулю полностью переменялось. Она исполняла все его капризы. Она покупала ему любые игрушки, любые книги и газеты, какие он только требовал. Он был полным хозяином своего времени. Мать убеждала меня, что Рауль всего лишь избалованный мальчишка, потому что, во-первых, он вообще единственный ребенок в семье, а во-вторых, остался без отца. Я сам захотел стать избалованным мальчишкой, даже если для этого придется отказаться от семьи.

Мне же вообще ничего не разрешали.

– Так ты что, все еще водишься с этим Разорбаком? – как-то спросил отец, зажигая очередную свою сигару, распространявшую зловоние метров на тридцать в округе.

Я горячо запротестовал.

– Да он мой лучший друг!

– Ну-ну, оно и видно, что ты не умеешь себе друзей выбирать, – заметил отец. – Ясно же, что этот парень психический.

– Это почему?

– Не делай невинного лица. Евойный папаша довел себя до того, что повесился. С такой наследственностью ему только и остается, что с катушек поехать. Да к тому же мать не работает и знай себе довольна пенсией. Это все не то. Тебе надо нормальных людей держаться.

– Рауль нормальный, – усиленно убеждал я.

Тут вечный предатель, мой братец Конрад, решил, что настал удобный момент подсыпать соли в рану.

– Самоубийство – болезнь наследственная. Дети самоубийц сами к этому склонны, навроде детей из разведенных семей, которые потом сами же устраивают так, чтобы и их брак оказался с гнильцой.

Все прикинулись, что пропустили мимо ушей замечания моего братца-кретина. Тем не менее эстафету приняла мать.

– Ты считаешь, это нормально часами проводить время на кладбище, как Рауль?

– Мам, ну послушай, это же его личное время, что хочет, то и делает. Никому не мешает...

– Он его еще и защищает! Один другого лучше! Да он же тебя за собой таскает, чтоб разглагольствовать посреди надгробий, прости господи!

– Да хотя бы и так, ну и что?

– А вот что! Беспокоить мертвых – значит навлекать на себя несчастья. Их надо оставить с миром, – безапелляционно заявил Конрад, всегда охотно готовый помочь утопить ближнего своего.

– Конрад – кретин! Конрад – кретин! – заорал я и врезал ему по кумполу.

Мы покатились по полу. Отец решил подождать, пока Конрад мне не ответит, а уж потом нас разнять. Ждал он, однако, не так долго, чтобы дать мне время для реванша.

– А ну тихо, сорванцы, не то я сам начну раздавать по ушам. Конрад прав. Таскаться по кладбищам – значит навлекать несчастья.

Он выпустил бесформенное облако сигарного дыма, сопровождая его утробным кашлем, и затем добавил:

– Для разговоров есть и другие места. Кафетерии там, парки, спортивные клубы. Кладбища сделаны для мертвых, а не для живых.

– Но пап...

– Мишель, ты меня уже довел до ручки. Или прекратишь корчить из себя умника, или ты у меня получишь.

Мне только что досталась пара оплеух, так что я немедленно стал ныть, чтоб избежать новой затрещины.

– Ну вот видишь, оказывается, умеешь плакать, когда захочешь, – саркастически заметил отец.

Конрад сиял. Мать приказала мне отправляться в свою комнату.

Вот так я начал понимать, как именно работает мир. Надо оплакивать мертвых. Надо слушаться родителей. Надо соглашаться с Конрадом. Нельзя строить из себя умника. Нельзя слоняться по кладбищам. Надо выбирать своих друзей из числа нормальных. Самоубийство – болезнь наследственная и, быть может, заразная.

В полумраке своей комнаты, с соленым привкусом горьких слез во рту, я вдруг ощутил себя совсем одиноким. В тот вечер, с еще не остывшей отметиной на пылающей щеке, я пожалел, что не родился во Вселенной, где бы не было стольких ограничений.

16. Сколько весит перышко

– Покойник должен пройти сквозь врата ада, избежать водяных чудовищ, уберечься от летучих демонов. Если он все это сумеет, то вновь предстанет перед Озирисом, высшем судьей, а также перед трибуналом, составленным из сорока двух божественных заседателей. Там ему надо будет доказать незапятнанность своей души в ходе исповеди, в которой он объявляет, что никогда не совершал греха или проступков в течение всей своей жизни, которую только что покинул. При этом он говорит вот как:

Я не творил беззаконий.

Я не причинял горя людям.

Я не утаивал правды.

Я не кощунствовал пред Богом.

Я не притеснял бедняков.

Я не совершал богопротивных деяний.

Я не очернял раба в глазах его хозяина.

Я не прелюбодействовал посреди священных мест.

Я не страдал от голода.

Я не причинял слез.

Я не убивал.

Я не приказывал убивать.

– А он может говорить что хочет, даже врать? – спросил я Рауля.

– Да. У него есть право лгать. Боги задают ему вопросы, а он их обманывает. Однако задача не очень проста, потому как боги много чего знают. Это вообще для них обычное дело.

– А потом?

– Если он пройдет это испытание, то наступит второе судилище, на этот раз с участием новых богов.

Тут Рауль умолк на минуту, чтоб я немножко помучился в нетерпении.

– Там есть такая Маат богиня правосудия, а еще есть Тот, бог мудрости и учения, с головой ибиса. Он записывает признания усопшего на табличке. Потом приходит Анубис, бог с головой шакала, а в руке у него огромные весы, чтобы взвесить душу.

– Как же можно взвесить душу?

Рауль проигнорировал этот достаточно очевидный вопрос, нахмурил брови, перевернул страницу и продолжил:

– На одну чашу весов Анубис кладет сердце покойника, а на вторую – перышко. Если сердце легче, чем перышко, то мертвеца признают невиновным. Если же тяжелее, то покойника скармливают богу с телом льва и головой крокодила, которому поручено пожирать все души, недостойные Вечности.

– И что же ожидает... как его... победителя?

– Освобожденный от веса своей жизни, он вливается в свет солнца.

– Вот это да!

– ...Там его поджидает Хепри, бог с головой жука-скарабея, из чистого золота. И там он завершает свой путь. Засим оправданная душа познает вечные радости. Ей поют гимн победителей, преуспевших на дорогах земли и на том свете. Вот послушай этот гимн.

Рауль взобрался на могильный камень, задрал лицо к щербатой луне и ясным голосом принялся декламировать древние слова:

*Оборваны пути. Бросаю на землю
Все зло, что во мне обреталось,
Могучий Озирис! Узри мя, молю!
Лишь только сейчас я рождаюсь!*

На этом Рауль покончил с лекцией о великой книге по античной мифологии. Свершился подвиг, и на его лбу мерцали капли пота. Он улыбался, словно Анубис только что объявил его победителем в собственной жизни.

– Вот так история! – воскликнул я. – И ты веришь, что для мертвых все так и происходит?

– Да не знаю я! Это ж аллегория. Судя по всему, египтяне обладали огромными знаниями в этом деле, но так как они не могли раскрывать тайны кому ни попадя, то им пришлось прибегнуть к метафорам и поэтическим гиперболам. Ну не мог какой-то там писатель все это придумать в порыве вдохновения. Эти мифы могут проистекать из своего рода вселенского здравого смысла. Если уж на то пошло, то все религии излагают более-менее ту же историю, используя, правда, разные термины. Все религии утверждают, что есть какой-то мир за краем смерти. Что есть какие-то испытания, а в конце – реинкарнация или высвобождение. Более двух третей человечества верят в реинкарнацию.

– Но ты правда думаешь, что есть барка с богами и что...

Рауль знаком приказал мне замолчать.

– Тихо! Тут кто-то есть.

Уже наступило девять вечера, и ворота кладбища, естественно, были закрыты. Кто же мог прийти в такой час нарушать покой? И как, помимо всего прочего, они проникли сквозь запер-

тую решетку? Мы-то всегда забирались по веткам платана, росшего возле северо-восточного угла кладбищенской стены. Мы были уверены, что, помимо нас, никто не знал этой дороги.

Крадучись, мы направились на приглушенный звук голосов.

И увидали, как группа в черных кепках проходила сквозь калитку в воротах, которая – к нашему изумлению – никогда, оказывается, не запиралась.

17. Учебник истории

«Наши предки верили, что смерть – это переход от состояния всего в состояние ничего. Для лучшего обоснования этой идеи они изобрели разные религии (сборники ритуалов, основанных на мифах). Большинство из них утверждало, что существует потусторонний мир, но в него никто по-настоящему не верил. Религии прежде всего играли роль знамен в интересах конкретных этнических групп».

Учебник истории, вводный курс для 2-го класса

18. Стычка со слабоумными

Эта банда замерла перед освещенной факелами могилой и принялась выкладывать на надгробие всякую всячину. Я сумел заметить фотографии, книги и даже статуэтки.

Мы с Раулем укрылись за камнем на могиле актера-рокера-плейбоя, жертвы застрывшей рыбьей кости. Попутно замечу, что звезда сцены выкашливала ее более часа, корчась в попытке избавиться от сего странного объекта, вставшего поперек глотки. И никто не пришел ему на помощь, хоть ресторан и был битком набит. Все полагали, что рок-идол переживает минуту дикарского вдохновения, изобретая новые танцы и оригинальную манеру пения. Грома оваций удостоился последний прыжок его агонии.

Как бы то ни было, с нашего места мы так и так намеревались проследить за всем происходящим. Типы в кепках напялили на себя черные балахоны и принялись распевать псалмы, хоть и на странный манер.

– Они молитвы говорят наоборот, – прошептал мне Рауль.

Тут-то я и понял, что «*Segna sed erem, eiram eulas suov ej*» на самом деле означает «*Je vous salue Marie, Mère des anges*»⁴.

– Конечно же, секта сатанистов, – присовокупил мой друг.

Последующая литания подтвердила его правоту.

*О Великий Вельзевул, одари нас толикой своей силы.
О Великий Вельзевул, позволь нам взглянуть на твой мир.
О Великий Вельзевул, научи нас быть невидимками.
О Великий Вельзевул, научи нас быть быстрыми, как ветер.
О Великий Вельзевул, научи нас оживлять мертвых.*

Я-то перепугался, а вот Рауль остался невозмутим. Его спокойствие и храбрость были заразительны. Мы приблизились к группе. Вблизи adeпты Сатаны оказались еще более впе-

⁴ *Je vous salue Marie, Mère des anges*. – Дословно: «Чествую тебя, Мария, мать ангелов». Неверно переданная первая строчка франц. перевода знаменитой *Ave Maria*, или, по-нашему, «Песни Пресвятой Богородице» («Богородице Дево, радуйся, благодатная Марие, Господь с Тобою; благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших»). Между прочим, искаженные католические молитвы используются не только сатанистами, но и при гадании на картах Таро.

чатляющими. У некоторых на лбу были татуировки с символами зла: ухмыляющиеся козлы, вертлявые черти, жалящие свой собственный хвост змеи.

После добавочных молебнов и инкантаций они зажгли свечи, расставленные в форме пятиконечной звезды, и стали жечь истертые в порошок кости, сгоравшие облаками розовато-лилового дыма. И наконец, из какого-то мешка они вытащили черного петуха, который трепыхался изо всех сил, хотя и остался без единого пера.

– Великий Вельзевул, в жертву тебе приносим сего черного петуха. Душу петуха за душу дурака!

И хором все повторили:

– Душу петуха за душу дурака!

Птичке перерезали горло и разбрызгали кровь по пяти лучам звезды.

Затем была извлечена белая курица.

– Великий Вельзевул, в жертву тебе приносим сию белоснежную курицу. Душу курочки за душу дурочки!

В унисон:

– Душу курочки за душу дурочки! Душу цыплячью за душу палачью!

– Тебе страшно? – прошептал мне на ухо Рауль.

Я старался быть на его высоте, но уже не мог сдерживать дрожь, охватившую мои члены. Важнее всего было избежать стука зубов. Это привлекло бы внимание любителей черной мессы.

– Когда испытываешь в жизни страх, это оттого, что не знаешь, какое решение принять, – хладнокровно сообщил мой юный компаньон.

Я затряс головой в недоумении.

Рауль вытащил монетку в два франка.

– В жизни, – продолжил он, – всегда есть выбор. Действуй или убегай. Прощай или мсти. Люби или ненавидь.

Это что, удобная минутка пофилософствовать? Он оставался невозмутим.

– Мы боимся, когда не знаем, что выбрать, потому что об элементах, входящих в наши расчеты, мы знаем столь же мало, как и о том, что действительно происходит вокруг нас. Как выбирать, когда мир такой сложный? Как? А монеткой. Ничто не может повлиять на монетку. Она не подвержена иллюзиям, она не слышит фальшивых аргументов, ее ничто не пугает. Вот почему она может придать ту смелость, которой тебе недостает.

Высказав все это, он подбросил монетку высоко в небо. Она выпала орлом.

– Орел! Орел – это значит «да», «пошли», «вперед». Орел – это значит «зеленый свет». Ну же, давай. Ты и я против слабоумных, – объявил он мне.

Между тем зловещая церемония неподалеку от нас продолжалась.

Из большого мешка сатанисты вытащили печально блеющего белого козленка, ослепленного блеском свечей.

– Великий Вельзевул, в жертву тебе приносим сего белого агнца, чтоб ты отворил нам окно в страну мертвых. Душу козлячью за...

Загробный голос эхом прокатился по кладбищу:

– Душу козлячью за банду соплячью!

Здоровенный кухонный тесак, уже готовый было отсечь козленку голову, замер в воздухе.

В голосе вскочившего на ноги Рауля звучала полная уверенность благодаря выпавшей орлом монетке.

– Прочь с глаз моих, слуги Вельзевуловы! Вельзевул уж давно как помер. Да будут прокляты те, кто посвятил себя его культу. Я – Астарот, новый принц Тьмы, проклиная вас! Не ходите сюда, не оскверняйте нечистой кровью животных эти священные камни. Вы будите мертвых и раздражаете богов!

Сатанисты сбились в кучку и замерли в остоленении, тщетно пытаясь понять, откуда исходят эти слова, но так ничего и не увидели. Рауль владел *Голосом*. Он владел им потому, что монетка указала, что предпринять. Все стало ясно. И для него, и для меня, и для них. Рауль обладал властью. Они же являлись досадной помехой. Рауль – всего лишь ребенок, но он был их повелителем. Перед лицом такого пугающего взрыва эмоций люди в масках предпочли ретироваться. Козленок же припустился в противоположном направлении.

Подведение итогов баталии было делом несложным. Орел – и я становлюсь более сильным. Решка – и я превращаюсь в труса. Вместо меня за мое же поведение решает монетка.

Рауль хлопнул меня по плечу и вручил два франка.

– Дарю. Отныне ты не будешь бояться и сможешь делать лучший выбор. Ты обрел друга, который тебя никогда не подведет.

В моей раскрытой ладони монета сверкала.

19. Полицейское досье

На запрос по поводу психологического профиля Рауля Разорбака

По всей видимости ребенок, именуемый Рауль Разорбак, страдает психическими расстройствами. Уже неоднократно он проявлял бурные вспышки гнева и подвергал опасности жизнь окружающих. Тем не менее мать ребенка отказывается поместить его в психиатрическую клинику, заявляя, что на ее сына сильно повлияла смерть отца. «Ему просто нужна отдушина», – утверждает она.

Поскольку на данный момент юный Разорбак не совершил каких-либо действий, квалифицируемых как правонарушение, Служба считает преждевременным принимать активные меры.

20. Учебник истории о смерти наших прадедов

«Основные причины смертей, зарегистрированных во Франции в 1965 г. (конец второго тысячелетия), даны с разбивкой в порядке приоритета по числу умерших. Отметьте, что определенные заболевания той эпохи в наше время уже искоренены».

Сердечно-сосудистые заболевания 98 392

Рак 93 834

Поражения сосудов головного мозга 62 746

Дорожно-транспортные происшествия 32 723

Цирроз печени 16 325

Респираторные заболевания 16 274

Пневмония 11 274

Грипп 9 008

Диабет 8 118

Суицид 7 156

Жертвы преступлений и заказных убийств 361

Причины неизвестны 87 201

Учебник истории, вводный курс для 2-го класса

21. Господин всезнайка

За годы, прошедшие с момента моей первой встречи с Раулем на кладбище Пер-Лашез, наша дружба все более и более крепла. Рауль научил меня стольким вещам!

– Какой же ты наивный, Мишель! Ты думаешь, что мир добр и, стало быть, лучший способ в него вписаться – это самому быть добрым. Ты заблуждаешься. Пошевели мозгами хоть чуть-чуть. Будущее творят не добрые люди, а новаторы, дерзкие, ничего не боящиеся.

– А ты сам, ты ничего не боишься?

– Ничего.

– Даже физических страданий?

– Имей достаточно силы воли и ничего не будешь чувствовать.

Чтобы лучше мне это доказать, он вынул свою зажигалку и подержал в пламени указательный палец, пока в воздухе не распространился запах горелой плоти. Я боролся с тошнотой и был заморожен одновременно.

– Как это ты делаешь?!

– Сначала я убираю все мысли, а потом говорю себе, что кто-то другой испытывает эту боль и что меня она ничуть не касается.

– Ты не боишься огня?

– Ни огня, ни земли, ни металла. Всемогуш тот, кто не боится, ибо ни в чем не будет ему отказано. Это моя лекция номер два. Первая была про то, что монета в два франка будет твоим лучшим советником. Вторая лекция о том, что страха нет, если только ты сам не позволишь ему существовать.

– Тебя этому отец научил?

– Он говорил, что нельзя оглядываться назад, когда взбираешься на гору. Если обернешься, то может закружиться голова, возникнет паника и ты упадешь. И наоборот, если лезть напрямик на вершину, то всегда будешь в безопасности.

– Да, но если ты ничего не боишься, что тебя туда толкает?

– Тайна. Потребность раскрыть тайну смерти моего отца и смерти вообще.

Пока он произносил эти слова, его правая ладонь, словно паук, кралась по лбу, будто борясь с незримым страданием. Глаза вылезли из орбит, как если бы что-то глодало ему голову изнутри.

Я встревожился:

– Тебе что, плохо?

Он ответил не сразу. Потом, словно вспомнив, как дышать и мыслить:

– Ерунда, просто мигрень. Это пройдет, – хрипло сказал он.

Это был один-единственный раз, когда я видел его страдающим. Для меня Рауль всегда оставался сверхчеловеком. Учителем.

Рауль меня впечатлял. Так как он был старше на год, то я вылез из кожи, чтобы перепрыгнуть на класс вперед и оказаться с ним на одной школьной скамье. Потом все стало проще. Он позволял мне списывать домашние задания, а после уроков продолжал рассказывать разные чудесные истории.

Никто в нашем классе не разделял моего восхищения. Учитель французской словесности дал ученику Разорбаку прозвище «Господин всезнайка».

– Хватайтесь крепче за стулья. Сегодня Господин всезнайка сдал свое сочинение. Обхохотесь. Тему я вам уже называл, но все равно. Итак, «Мои идеальные каникулы». Ну и дела! Господин всезнайка ну никак не хочет прогуляться по берегу Тукета, Сан-Тропе, Ла-Боля⁵, посмотреть Барселону или там Лондон. Нет, он жаждет проникнуть в страну мертвых. И вот... он шлет нам оттуда почтовые открытки.

Всеобщее оживление.

– Цитирую: «Пока мою барку влечет к свету, я цепляюсь за удава, потому что огненный серпент уже прыгает перед носом моего суденышка. Богиня Нефтис советует мне не терять

⁵ Тукет – река в Нормандии; Сан-Тропе и Ла-Боль – бальнеологические курорты.

головы и придерживать берет. Принцесса Изида протягивает мне крест с овалом, чтоб отвести монстра».

Ученики гогочут, пихают друг дружку локтями, а педагог заканчивает сухим учительским тоном:

– Господин всезнайка, мне остается только посоветовать вам просить помощи хорошего психоаналитика. И вообще, сходите-ка вы к психиатру. А тем временем имейте в виду, что за сочинение ноль таки я вам не поставил. У вас 1 балл из 20, да и то лишь потому, что вы заставили меня смеяться, читая вот эту писанину. Между прочим, ваши сочинения я всегда стараюсь прочесть в первую очередь, потому как знаю, что с вами не соскучишься. Продолжайте в том же духе, мсье Разорбак, и я еще долго буду веселиться, так как вы, без сомнения, останетесь на второй год.

Рауль и глазом не моргнул. Он не реагировал на подобные замечания, особенно исходившие от людей типа нашего французского учителя, к которому Рауль не питал никакого уважения. Проблемы, однако же, были. И с этим же самым классом.

Как и в большинстве школ, ученики нашего лицея были жестокими подростками, и стоило только показать на кого-то пальцем и заявить «вот белая ворона», как его жизнь тут же превращалась в пытку. В нашем классе заводилой был один наглый тип по имени Мартинес. Вместе со своими приспешниками он подкараулил нас у выхода, и мы очутились в кольце.

– Принцесса Изида, принцесса Изида, – скандировали они. – Хочешь овальным крестом по морде?

Я перепугался. Чтобы преодолеть страх, я сильно пнул Мартинеса в ногу, а он засветил мне кулаком по носу. Лицо тут же залила кровь. Нас было двое против шести, но самая большая проблема оказалась в том, что Рауль – хотя и был намного выше и сильнее меня, – похоже, и не собирался защищаться. Он не дрался. Он получал удар за ударом и даже не пробовал отвечать.

Я заорал:

– Давай, Рауль! Мы их погоним, как тех на кладбище! Ты и я против слабоумных, Рауль!

Он не двинулся с места. Мы не замедлили повалиться наземь под градом ударов кулаками и ногами. Видя такое отсутствие сопротивления, банда верзилы Мартинеса оставила нас лежать и удалилась, помахивая растопыренными пальцами-рогатками. Я принялся массировать свои шишки.

– Ты испугался? – спросил я.

– Нет, – сказал он.

– Чего ж ты не дрался, а?

– А зачем? Я не могу расходовать свою энергию на всякую ерунду. В любом случае, я не знаю, как бороться с дикарями, – добавил он, подбирая кусочки разбитых очков.

– Но ты же обратил в бегство сатанистов!

– То была игра. И потом, может, они и жалкие люди, но намного тоньше, чем эта бестолочь. Перед пещерным человеком я бессилен.

Мы помогли друг дружке встать на ноги.

– Ты ж говорил, ты и я против слабоумных.

– Боюсь тебя разочаровать. Надо еще, чтобы эти идиоты обладали хоть минимальным умом, чтобы я мог вступить с ними в войну.

Я был в шоке.

– Но послушай, эти типы вроде Мартинеса нас все время будут бить в морду!

– Возможно, – скромно ответил он. – Но они раньше меня устанут.

– А если они тебя убьют до смерти?

Он пожал плечами.

– Ба! Жизнь – всего лишь краткий миг.

Меня охватило темное предчувствие. Слабоумные были способны его побить. Рауль не всегда бывает самым сильным. Он только что оказался даже полон слабости.

Я вздохнул.

– Что бы ни случилось, ты всегда сможешь, как и раньше, рассчитывать на меня в трудный час.

В ту же ночь мне вновь приснилось, что я лечу в облаках на встречу с женщиной в белом атласном платье и с маской скелета.

22. Философия Паскаля

«Бессмертие души влечет нас столь сильно, задевает столь глубоко, что надо позабыть все эмоции и стать беспристрастным, чтобы понять, что же это такое.

Наш первейший интерес и наша первейшая задача состоят в том, чтобы пролить свет на эту тему, от которой зависит все наше поведение.

Именно поэтому среди людей, не верящих в бессмертие души, я провожу резкую границу между теми, кто работает изо всех сил, чтобы узнать об этом больше, и теми, кто живет, не беспокоясь и не размышляя над этим вообще.

Этакое безразличие к вопросу, который касается их самих, их личности, всего, что в них есть, меня скорее раздражает, чем печалит. Это меня изумляет и пугает: это для меня чудовищно. Я говорю об этом не из благочестивого рвения и духовной набожности. Я слышу противоположное мнение, что такое отношение необходимо в интересах человечества».

Блез Паскаль

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

23. Поправка

Мне было четырнадцать, когда Рауль впервые сам зашел за мной. Родители разворчались. Не только время было к ужину, но они к тому же упорствовали во мнении, что Рауль Разорбак плохо на меня влияет. Так как у меня в последнее время были отличные отметки по математике (после списывания у моего друга, естественно), они не решились запретить мне погулять.

Все же приказано было вести себя поосторожнее и смотреть в оба. Повязывая мне шарф, отец прошептал, что именно лучшие друзья-то и причиняют нам самые большие неприятности.

Мать не преминула добавить:

– Вот как я определяю, что такое друг: это тот, чье предательство становится для нас самым большим сюрпризом.

Рауль потащил меня к больнице Сен-Луи, по пути объясняя, что только что узнал про тамошнее отделение, куда собирают коматозных больных и тех, кто при смерти. «Служба сопровождения умирающих», так это скромно именовалось. Она располагалась в левом крыле пристройки к больничному корпусу. Я спросил, на что такое он там рассчитывает. Он тут же парировал, что, мол, этот визит даст нам превосходную возможность заранее многое узнать.

– Заранее? Узнать что?

– Да про смерть, ясное дело!

Идея проникнуть в больницу не вызвала у меня особенного энтузиазма. В том месте было полно серьезных, взрослых людей, и я сомневался, что они разрешат нам там играть.

Рауль Разорбак, впрочем, никогда не страдал нехваткой аргументов. Он сообщил, что читал в газетах, как проснувшиеся после комы люди рассказывают поразительные истории. Якобы вернувшиеся к жизни присутствовали при странных спектаклях. Они не видели никаких барок или плюющихся огнем змей, но наблюдали притягивающий к себе свет.

– Ты говоришь про опыт людей, побывавших на краю смерти, т. е. то, что американцы называют NDE, Near Death Experiences?

– Про это самое. Про NDE.

Всякий знает, что такое NDE. Тема эта когда-то была в моде, вышла масса бестселлеров, обложки еженедельников пестрели такими сообщениями. А потом, как это бывает со всякой модой, она ушла в тень. В конце концов, не имелось никаких доказательств, ничего такого вещественного, просто ряд занимательных историй, наспех собранных бог знает откуда.

Рауль верит в подобные сказки?

Он раскинул предо мной множество газетных вырезок, и мы встали на коленки, чтобы их лучше рассмотреть. Вырезки эти были не из изданий, известных за свои серьезные или глубокие расследования. Цветастые заголовки кричали жирными, размазанными буквами: «Вояж за границей смерти», «Свидетельствует кома», «Жизнь после жизни», «Я вернулся, но мне там понравилось», «Смерть и дальше со всеми остановками»...

Для Рауля эти слова были окрашены ореолом поэзии. В конце концов, там пребывал его отец...

Что до иллюстраций, то имелись только фотографии с какими-то туманными аурами или же репродукции картин Иеронима Босха.

В тексте Рауль желтым фломастером подчеркнул несколько пассажей, которые счел существенно важными: «Согласно обследованию, проведенному американским Институтом Гэл-лапа, восемь миллионов жителей США считают, что пережили NDE». «Анкетирование среди больниц показало, что 37 % коматозных больных уверены, что испытали чувство покидания собственного тела, 23 % видели туннель, а 16 % были охвачены неким «благодетельным светом».

Я пожал плечами.

– Не хочу лишать тебя иллюзий, но...

– Что «но»?

– Я однажды попал под машину. Меня швырнуло в воздух, и я врезался головой при падении. Три часа без сознания. Настоящая кома. Не видел я там никакого туннеля, не говоря уже про какой-то благодетельный свет.

Он выглядел ошеломленным.

– А что же ты видел?

– Да ничего не видел. Вообще ничего.

Мой друг уставился на меня, словно я был поражен редкой болезнью, вызванной еще неизвестным науке вирусом.

– Ты уверен, что был в коме и ничего оттуда не запомнил?

– Уверен.

Рауль задумчиво поскреб подбородок, но затем его лицо просветлело:

– Я знаю почему!

Он собрал свои вырезки, а потом произнес фразу, над которой я долго думал впоследствии:

– Ты ничего не видел потому, что был... «недостаточно» мертв.

24. В стране белых монахов

Часом позже мы очутились перед больницей Сен-Луи. Ярко освещенный вход, охранник в униформе наблюдает за аллеями и дорожками. Рауль, и так отличаясь высоким ростом, к тому же надел потрепанное пальто, чтобы выглядеть старше своих лет. Он взял меня за руку, надеясь, что вместе мы сойдем за отца с сыном, решивших провести свою выздоравливающую бабушку.

Увы, охранник оказался не столь уж глуп.

- Так, сопляки, для игр есть местечко получше, во-он за тем углом.
- Мы пришли навестить свою бабушку, – сказал Рауль просительным тоном.
- Фамилия?

Рауль, не колеблясь ни секунды:

– Мадам Сальяпино. Она в коме. Ее поместили в новую службу сопровождения умирающих.

Нет, каков гений импровизации! Если бы он выдал, скажем, Дюпуи или Дюран, это тут же вызвало бы подозрения, но «Сальяпино» звучит достаточно дико, чтобы взаправду походить на настоящую фамилию.

Охранник построил задумчивую физиономию. «Сопровождение умирающих», эти слова немедленно вызвали неприятные ассоциации. Он, без сомнения, знал о создании такой службы, про которую ходили всякие толки в кулуарах больницы. Охранник передумал и сделал знак рукой, мол, «проходи», ничуть даже не извинившись, что нас задержал.

Мы углубились в сияющий ярким светом лабиринт. Коридоры, еще коридоры... Дверь за дверью мы потихоньку открывали для себя удивительный мир.

Вот уже второй раз, как я оказался в больнице, но впечатление было по-прежнему ошеломляющим. Все равно как проникнуть в храм белизны со снующими повсюду магами в белых одеяниях и юными жрицами, чьи нагие тела прикрыты безупречно наглаженными халатиками.

Все было упорядочено, как античная хореография. На замызганные койки санитары укладывали перебинтованные жертвоприношения. Юные жрицы их распаковывали и потом транспортировали в облицованные кафелем залы, где жрецы высшего ранга, коих можно было опознать по их квадратным хирургическим маскам и прозрачным перчаткам, совершали над ними пассы, будто вновь прибывшие оказались здесь, чтобы узнать судьбу у авгуров-прорицателей.

Это-то зрелище и стало причиной моей медицинской профессии. Запах эфира, сестрички милосердия, белые одеяния, возможность в свое удовольствие покопаться в кишочках моих современников – вот что по-настоящему увлекает. Вот чертоги истинной власти! Я тоже захотел стать белым жрецом.

В приятном возбуждении, словно гангстер, наконец-то вскрывший банковский подвал, Рауль прошептал мне на ухо:

– Псст... Вот оно!

Мы вошли в застекленную дверь.

И чуть не выскочили обратно, заведя там такое... Большинство пациентов службы сопровождения умирающих были поистине больны. Справа от нас беззубый старик с вечно разинутым ртом издавал зловоние метров на десять в округе. Еще ближе какое-то истощенное существо неопределенного пола уперлось немигающим взором в коричневое пятно на потолке. Прозрачная слизь текла из его носа, а оно и не думало ее стирать. Слева – лысая дама с единственным пучком светлых волос на морщинистом лбу. Левой ладонью она пыталась сдерживать непрерывно дрожащую правую руку. Это, видимо, ей никак не удавалось, и она ругала мятежную конечность словами, непонятными из-за разболтанной вставной челюсти.

Смерть, не в обиду Раулю будь сказано, это вовсе не боги, богини или реки, полные рептилий. Вот что такое смерть – медленный распад человека.

Правы, ох правы были мои родители: смерть страшна. Я бы немедленно бросился наутек, кабы не Рауль, потащивший меня к той даме с пучком светлых волос.

- Извините, что беспокоим, мадам.
- Б-бон... жур, – запинаясь, сказала она, голосом даже более дрожащим, чем ее тело.
- Мы студенты школы журналистики, хотели бы взять у вас интервью.
- П-по... почему у меня? – с трудом произнесла она.
- Потому что ваш случай нас заинтересовал.

– Нет... во мне... ничего... интересного. У... уходите!

От истекающего слизью существа мы никакой реакции так и не добились. Тогда мы направились к благоухающему старичку, который принял нас за пару карманных воришек. Он возбудился, будто его оторвали от крайне важного дела.

– А? Что? Чего вы от меня хотите?

Рауль повторил свою речь:

– Бонжур, мы ученики школы журналистики и готовим репортаж о лицах, переживших кому.

Старичок сел в кровати и принял горделивую позу:

– Ясное дело, я пережил кому. Пять часов в коме, и смотрите-ка, я все еще здесь!

В глазу Рауля сверкнул огонек.

– Ну и как там? – спросил он, будто разговаривал с туристом, вернувшимся из Китая.

Старичок ошалело уставился на него.

– Что вы имеете в виду?

– Ну как же, что вы пережили, пока были в коме?

Видно было, что Раулев собеседник не понимал, куда тот клонит.

– Да я же говорю, я пять часов провел в коме. Кома, понимаете? Это именно когда ничего не чувствуешь.

Рауль стал напирать:

– У вас не было галлюцинаций? Вы не припоминаете света, красок, чего-нибудь еще?

Умирающий потерял терпение:

– Ну уж нет, кома – это вам не кино. Начнем с того, что человек очень болен. Потом он просыпается и у него все тело аж ломит. Тут вам не до гулянок. А вы в какую газету пишете?

Откуда-то выскочил санитар и тут же разорался:

– Вы кто такие? Не надоело еще моих больных дергать? Кто вам разрешал сюда входить? Вы что, читать не умеете? Надпись не видели: «Посторонним вход воспрещен»?

– Ты и я против слабоумных! – выкрикнул Рауль.

Сообща мы бросились прочь галопом. Ну и понятно, потерялись в поистине дедаловом лабиринте кафельных коридоров. Мы пересекли палату для больных с ожогами третьей степени, потом попали в отделение, полное инвалидов в колясках, и, наконец, оттуда прямехонько в то место, куда ходить не следует. В морг.

Обнаженные трупы рядами лежали на дюжине хромированных поддонов, лица искажены последней болью. У некоторых глаза еще были открыты.

Молоденький студент, вооруженный клещами, занимался снятием их обручальных колец. У одной женщины кольцо никак слезать не хотело. Кожа вздулась вокруг металла. Не колеблясь, студентик зажал ее палец между резцами клещей и нажал. Чик – и палец глухо шмякнулся на пол, звякнув при этом металлом.

Я не замедлил свалиться в обморок. Рауль вытащил меня наружу. Оба мы были без сил.

Не прав оказался мой друг. Правы были мои родители. Смерть омерзительна. На нее нельзя смотреть, к ней нельзя приближаться, о ней нельзя говорить и даже думать.

25. Мифология Лапландии

«Для лапландцев жизнь – это губчатая паста, покрывающая скелет. Душа находится именно что в костях скелета.

Опять же, когда они поймают рыбу, то осторожно отделяют мясо, стараясь не повредить ни малейшей косточки. Потом они бросают костяк в то же самое место, где выловили живую рыбу. Они убеждены, что Природа позаботится о покрытии скелета новым мясом и что после

оживления несколькими днями, неделями или месяцами спустя на этом же месте их будет поджидать свежее пропитание.

Для них плоть – всего лишь декорация вокруг костей, пропитанных истинной душой. Такое же уважение к скелету отмечается среди монголов и якутов, которые собирают в стоячем положении костяки убитых ими медведей. А чтобы избежать риска повреждения деликатных костей черепа, у них существует табу на поедание мозгов, хотя это и деликатес».

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

26. Расставание

Немногим позже нашей эскапады в больнице Сен-Луи мать Рауля решила переехать в провинцию, и много лет уткло, прежде чем мы встретились вновь.

Мой отец умер в тот же год от рака легких. Сигары по десять франков так сработали. Шпинат, спаржа и анчоусы, я излил поток слез на его похоронах, но никто не удосужился этого заметить.

Сразу по возвращении с кладбища мать превратилась в тирана, истинную мегеру. Она стала вмешиваться во все дела, за всем следить и диктовать, как мне жить. Ничуть не стеснясь, она принялась рыться в моих вещах и нашла дневник, который, как мне казалось, я надежно запрятал под своим матрасом. Тут же самые замечательные пассажи она зачитала вслух, причем громким голосом и перед моим братом Конрадом, очарованным столь предельной формой моего унижения.

От такой раны я оправился не сразу. Дневник всегда был для меня другом, которому я поверял свои мысли, не боясь осуждения. Может, и не его была вина, но сейчас этот друг определенно меня предал.

Конрад, язва, комментировал:

– Ого, а я и не знал, что ты втюрился в эту Беатриску. Это с ее-то паклями и прыщами! Ну ты, брат, хитрец.

Я пытался принять беззаботный вид, но мать точно знала, что только что лишила меня товарища. Она не хотела, чтобы у меня были друзья. Чтобы не было даже любимых вещей. Она считала, что ее одной достаточно для удовлетворения всех моих потребностей в общении с внешним миром.

– Ты мне все рассказывай, – говорила она. – Я сберегу все твои секреты, буду молчать как могила. А тетрадка твоя... Неважно, что мы ее нашли. К счастью еще, что она не попала в руки посторонних!

Я предпочел воздержаться от полемики. Я не возразил ей, что никакие посторонние руки, кроме ее самой, не копались под моей кроватью.

Отомстить за Конрадовы насмешки, отыскав его же личный дневник, было невозможно. Он его попросту не вел. Не имел на это причины. Ему нечего было сказать ни кому-то другому, ни себе самому. Он был счастлив и так, проживая свою жизнь, даже и не пытаясь ее понять.

После потери моего конфиданта-исповедника отсутствие Рауля стало ощущаться еще сильнее. Никто в лице не питал ни малейшего интереса к античной мифологии. Для моих одноклассников слово «смерть» не несло в себе никакой магии, и когда я им говорил про мертвецов, они норовили хлопнуть меня по макушке: «У тебя шарики за ролики заехали, старик. Пора к психиатру!»

– Ты еще молод, чтобы увлекаться смертью, – проповедовала мне Беатриса. – Подожди лет эдак шестьдесят. Сейчас слишком рано.

Я ей тут же:

– Давай тогда про любовь! Вот молодежная тема или нет?

Она в ужасе отшатнулась. Я попробовал разрядить обстановку:

– Ничего так не желал бы, как на тебе жениться...

Она бросилась прочь. По слухам, позднее она заявляла, что я не кто иной, как сексуальный маньяк, и что даже пытался ее изнасиловать. Более того, я, без сомнения, был душегуб-убийца и эзк-рецидивист, иначе как объяснить мой такой интерес к смерти и мертвецам?

Ни дневника, ни друга, ни милой подружки, ни единого атома, связывающего меня с семьей... Жизнь выглядела банальной донельзя. Рауль мне не писал. Я был поистине один на этой планете.

К счастью, он оставил мне книги. Рауль не обманул, что книги – это друзья, которые никогда не предадут. Книги знали все про античную мифологию. Они не боялись говорить про смерть и мертвецов.

Но всякий раз, когда мои глаза видели слово «смерть», я вспоминал Рауля. Я знал, что смерть его отца спровоцировала появление навязчивой идеи. Он хотел узнать, что же такое его отец мог сообщить перед тем, как умереть. Вот что в своей жизни говорил мне отец: «Не делай глупостей», «Вправо смотри, вон там мать», «Опасайся тех, кто прикидываются, что желают тебе добра», «Бери пример с Конрада», «Ты что, не знаешь, как за столом себя ведут? Для этого есть салфетка», «Продолжай в том же духе, и ты у меня получишь», «Принеси коробку с сигарами», «Не копайся в носу», «Не ковыряй в зубах проездным билетом», «Хорошенько спрячь деньги», «Опять книжки читаешь? Иди лучше помоги матери со стола убрать». Великолепное духовное наследие. Мерси, папá.

Даже Рауль и тот был не прав так увлекаться смертью. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять ее смысл: это всего лишь конец жизни. Последняя точка в строке. Как фильм, который исчезает, если выключить телевизор.

И все же ночами мне все чаще и чаще снилось, как я лечу и там, в вышине, я опять встречаю ту женщину в белом атласном платье и с маской скелета. Сей кошмар я в своем дневнике не записал.

27. Индийская мифология

«Те, кто знает, и те, кто ведаёт, что в том лесу вера есть правда, входят в пламя, из пламени идут в день, из дня в две светлые недели, из двух недель в шесть месяцев, когда солнце клонится к северу, из этих месяцев в мир богов, из мира богов в солнце, из солнца в страну молний. Достигнув страны молний, божественный дух переносит их в миры Брахмана: непостижимо далеко живут они там. В этих мирах для них точка возвращения на землю».

(Брихадараньяка Упанишада)

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

28. Возвращение Рауля

С восемнадцати лет я решил, что стану врачом. Я поступил в соответствующий институт и – случайно ли это было? – в качестве специальности выбрал анестезию и реанимацию.

Я вернулся в самое сердце храма, где отвечал за людей, желавших выжить. Не спорю, конечно, я также хотел покрутиться среди тех юных жриц, про которых ходили слухи, что они под белыми халатами голенькие. В любом случае, я скоро убедился, что это миф. Медсестры зачастую носили маечки.

Мне было тридцать два, когда Рауль без предупреждения вернулся обратно в мою жизнь. Он позвонил и, натурально, назначил встречу на кладбище Пер-Лашез.

Он оказался еще выше, еще худощавее и тоньше, чем я его помнил. Он вернулся в Париж. После столь долгих лет отсутствия я был очень польщен, что его первым шагом было возобновление нашего контакта.

У него хватило деликатности не начинать разговор сразу со смерти. Как и я, он возмужал. Не было уже вопроса, чтобы смеяться без причины. Не было уже игр в слова, каламбуры и глупые звуки.

Нынче он работал при Национальном центре научных исследований и имел титул профессора. Тем не менее он начал почему-то вспоминать своих подруг. Женщины всего лишь мельком задерживались в его жизни, потому что не понимали Рауля. Они находили его слишком... нездоровым. Он ругался:

– Ну почему самые красивые всегда самые тупые?

– Отчего бы тебе не начать снимать уродливых? – ответил я.

В свое время при таких разговорах мы смеялись, как ненормальные, но детство уже прошло. Он довольствовался бледной улыбкой.

– Ну, а тебе, Мишель, сильно везет?

– Да не то чтобы.

Он треснул меня по спине.

– Слишком застенчивый, а?

– Слишком романтичный, пожалуй. Я иногда мечтаю, что где-то есть очаровательная принцесса и что она ждет меня. Меня, и никого другого.

– Веришь в спящую красавицу? Но если тебе повезет с какой-нибудь девчонкой, это будет все равно как заранее обмануть свою принцессу.

– Именно. Это же самое я и чувствую всякий раз.

Паукообразные ладони Рауля трепетали вокруг меня, словно окружая своим защитным присутствием. Как мог я столь долго жить вдали от него и его сумасшествия?

– Э-эх... – вздохнул он. – Наивный ты романтик, Мишель. Этот мир слишком груб для мечтателей вроде тебя. Тебе надо вооружиться для борьбы.

С ностальгическим чувством вспомнили мы про нашу стычку с сатанистами. Потом он рассказал мне про свои исследования. Выяснилось, что Рауль в настоящий момент работал над вопросом гибернации сурков. Как и многие другие животные, сурки способны жить – после 90 %-го замедления частоты сердечных сокращений – в течение трех месяцев не дыша, без еды, не двигаясь и не спя. Рауль еще глубже проник в этот феномен. Вслед за сном он хотел прикоснуться к границе смерти. Чтобы вызвать еще более глубокий искусственный анабиоз у сурков, достаточно было погрузить их в ванну, охлажденную до 0 °С. Внутренняя температура падала очень быстро, частота сердечных сокращений снижалась до точки полной остановки, но животные тем не менее не умирали. Их можно было оживить через полчаса путем простого растирания.

Я подозревал, что мой друг под гибернацией подразумевает то, что мы, медики, называем «кома». И все же его эксперименты увенчались успехом, а на международных конференциях кое-кто дал ему прозвище «будильник мороженных сурков».

Не откладывая дела в долгий ящик, я спросил, не нашел ли он какие-то еще древние тексты про тот свет. Он тут же оживился. Он и надеяться не смел, что я так скоро перейду к теме его пристрастий.

– Греки! – жадно воскликнул он. – Древние греки верили, что Вселенная круглая и концентричная. Каждый мир содержит в себе мир поменьше, потом еще меньше, потом еще, словно круги на стрелковых мишенях. В самом центре находится греческий мир, где живут люди.

Рауля понесло.

– Там, в самой середине, греки. Это первый мир. Его окружает мир варваров, это второй по счету, а его, в свою очередь, объемлет третий мир, мир чудовищ, включающий в себя, среди всего прочего, жутких тварей *терры бореалис*.

Я подсчитал:

– Люди, варвары, чудовища – всего три слоя, так?

– Нет, не так, – с живостью поправил он, – намного больше. За миром чудовищ идет море. Там расположен остров Вечного Счастья, рай, где проживают бессмертные. Есть там и остров Снов, который пересекает река, где течет не что иное, как ночь. Она вся покрыта цветами лотоса. В центре острова стоит город с четырьмя воротами. Двое ворот позволяют проникать кошмарам, двое других распахиваются для приятных сновидений. Гипнос, бог сна, управляет всеми четырьмя.

– Ну да!

– За морем, – продолжал Рауль, – есть еще одна земля. Это побережье континента мертвых. Деревья там родят только сухие плоды. Именно на эту землю, словно суда на мель, выбрасывает всех и вся, и именно там все завершается.

Стояла тишина, украшаемая попеременно мыслями то о рае, то об аде. Рауль разбил наваждение расспросами о моей профессии анестезиолога-реаниматора. Он хотел знать, какими препаратами я пользуюсь для своих пациентов, считая, что они также могли бы ему помочь в экспериментах с сурками.

29. Мнение доктора Пинсона

А. Виды комы

Согласно моему другу, доктору Мишелю Пинсону, в настоящее время признано существование трех видов комы:

Кома 1: Псевдокома. Сознание отсутствует, но пациент реагирует на внешние раздражители. Может продолжаться от тридцати секунд до трех часов.

Кома 2: Пациент более не реагирует на внешние раздражители, например щипки или уколы. Может продолжаться до одной недели.

Кома 3: Глубокая кома. Прекращение всех видов деятельности. Начало разрушения головного мозга. Тетанизация верхних конечностей. Сердечные сокращения становятся нерегулярными (дефибрилляция). Согласно Мишелю, выход из этой комы невозможен.

Б. Внешние симптомы

1) Мидриаз (полное расширение зрачка).

2) Паралич.

3) Искривление формы рта.

В. Как выводят пациента из комы

Методы, используемые Мишелем:

1) Массаж сердца.

2) Интубация через дыхательный тракт.

3) Электрошок от 200 до 300 джоулей.

4) Инъекции адреналина в сердечную мышцу.

Г. Как вызвать кому

Препараты, используемые Мишелем:

1) Физиологический раствор.

2) Тиопентал (предотвращает агитацию при пробуждении), пропофол (быстрое засыпание, пробуждение без негативных последствий).

3) Дроперидол (менее сильный эффект, транзиторная аналгезия, головокружение после пробуждения длительностью до часа, риск прекращения кардиореспираторной активности). Требуется дозировка согласно весу пациента.

4) Хлорид калия (провоцирует кардиальные нарушения и фибрилляцию желудочков).

Д. Частота сердечных сокращений у человека

Норма: от 65 до 80 ударов в минуту.

Самая низкая: 40 ударов в минуту.

Некоторые йоги опускались до 38 уд/мин, но речь идет про исключительные случаи.

Абсолютный минимум: ниже 40 ударов в минуту наблюдается снижение скорости расхода церебральной жидкости, риск наступления обморока (кратковременная потеря сознания на срок не более двух минут). Как правило, субъект ничего не помнит о случившемся.

Максимальная: 200 ударов в минуту минус возраст человека.

«Рабочий дневник танатонавтических исследований». Рауль Разорбак.

30. Учебник истории

«Танатонавтика родилась благодаря случайности. Большинство историков датирует ее появление днем покушения на президента Люсиндера».

Учебник истории, вводный курс для 2-го класса

31. Президент Люсиндер

Стоя в своем черном лимузине, президент Люсиндер с сокрушенной улыбкой салютовал толпе и мучился от боли. Ноготь большого пальца ноги врос в самое мясо. Не утешала даже мысль, что и Юлий Цезарь страдал от подобных превратностей судьбы во время своих грандиозных военных парадов. А Александр Великий со своим сифилисом? К тому же в ту эпоху никто не знал, как это все лечить...

Юлий Цезарь всегда позади себя держал раба, который – помимо того, что носил за ним лавровый венок – должен был регулярно повторять императору на ухо: «Помни, что ты всего лишь человек». Люсиндеру раб был не нужен. Для этой цели хватало и вросшего ногтя.

Он приветствовал рукоплескавшую ему толпу, все время вопрошая себя, как же от этого избавиться. Его личный врач советовал операцию, но до сих пор глава нации еще ни разу не лежал на операционном столе. Не нравилась ему идея, что пока он будет спать, какие-то незнакомцы, обезличенные хирургическими масками и вооруженные отточенными бритвами, примутся шуровать в его трепетной плоти. Конечно, можно также прибегнуть и к специальным методам педикюра. Это обещало положить конец неприятностям, причем без необходимости ложиться на операционный стол, но при этом требовалось резать по живому и без обезболивания. Никакого особого энтузиазма.

Сколько же источников проблем, уничтожающих человека. Вечно где-то да что-то не так. Ревматизм, кариес, конъюнктивит... На прошлой неделе Люсиндер мучился от вновь заявившей о себе язвы.

– Не волнуйся так, Жан, – советовала ему жена. – Ты просто расстроен делами в Южной Америке. Завтра поправишься. Как я говорю, «быть здоровым означает, что каждый день болит в каком-то другом месте».

Какая чушь! Все же она принесла ему немного горячего молока, и боль утихла. Ноготь заявил о себе еще сильнее.

«Да здравствует Люсиндер!» – кричали вокруг. «Люсиндер, президент!» – скандировала целая группа. Ах уж этот новый мандат! Скоро надо будет им заниматься вплотную. Выборы не за горами.

Несмотря на проклятый палец, Люсиндер пережил пару приятных моментов посреди этих шумных приветствий. Толпу он обожал. Он обнял крошечную розовощекую девочку,

которой мать трясла у него под самым носом. Какой-то мальчуган сунул ему букет цветов, того самого сорта, что с ходу вызывает приступ аллергии.

Машина вновь тронулась. Он заставил себя немножко пошевелить пальцами, стиснутыми в новых жестких туфлях, как вдруг какой-то высокий тип в костюме-тройке кинулся к нему с зажатым в кулаке револьвером. В ушах эхом отдался гром выстрелов.

«Ну вот, меня застрелили», – спокойно отметил про себя президент.

Это, понятно, был первый раз, он же последний. Теплая кровь заструилась где-то в районе пупка. Люсиндер улыбнулся. Вот красивый способ войти в Историю с большой буквы. Его предшественник Конгома увидел свой президентский мандат преждевременно отмененным из-за рака предстательной железы. О каком наследии тут можно говорить?

Этот же технократ с черным револьвером дал ему шанс. Убитые президенты всегда имели право на почетное место в школьных учебниках. Все восхищались их дальновидностью, превозносили грандиозность их планов. В школах дети декламировали им восхваления. Другого бессмертия не существовало.

Люсиндер краем глаза уловил своего убийцу, скрывавшегося в толпе. А телохранители-то! Топчутся на месте, и никакой реакции. Вот это урок! Нет, на всех этих профессионалов в штатском рассчитывать нельзя.

Кто же так его ненавидел, что организовал убийство? Ба, скоро ему на это будет наплевать. Не осталось больше ничего важного, включая проклятый ноготь. Смерть – лучшее лекарство от всех мелких горестей бытия.

– Доктора! Скорее доктора! – кричал кто-то неподалеку.

Хоть бы они все заткнулись... Не существовало врача, который смог бы ему помочь. Слишком поздно. Пуля, конечно же, пробила сердце. Какое против этого можно придумать лекарство, если не считать нового президента на замену, в то время как он, Люсиндер, присоединится к Цезарю, Аврааму Линкольну и Кеннеди в пантеоне великих государственных мужей, сраженных рукой убийцы.

Он все еще не умирал. В голове понеслась череда воспоминаний. Четыре года: его первая незаслуженная пощечина и первая обида. Семь лет: первая похвальная грамота благодаря соседу, который позволил списать свое сочинение. Семнадцать лет: первая девушка (он потом с ней снова встретился, и это была ошибка: она до того оказалась несносной...). Двадцать один: диплом историка, на этот раз по-честному. Двадцать три: кандидатская по античной философии. Двадцать пять: докторская по истории античности. Двадцать семь: вступление в социал-демократическую партию благодаря связям отца и уже появление девиза своей будущей карьеры: «Те, кто хорошо знают прошлое, лучше всех могут строить будущее».

Двадцать восемь лет: брак с первым «цыпленком» (актриска, имя которой он уже и не помнил). Двадцать девять лет: первые подлости и первое предательство ради проникновения в центральный аппарат партии. Тридцать два года: выборы в мэрию Тулузы, сколачивание первого капитала за счет продажи муниципальных земель, первые портреты мастеров, первые античные скульптуры, беспорядочные связи. Тридцать пять: выборы в Национальное собрание, первый замок в Лозаре. Тридцать шесть: развод и новый брак со вторым «цыпленком» (немецкая топ-модель, горошина вместо мозгов, но зато ноги, могущие совратить и святого). Тридцать семь: младенцы по всем углам дома. Тридцать восемь: краткий уход в тень по делу о взятке при продаже пакистанских самолетов.

Тридцать девять лет: стремительное возвращение на политическую арену благодаря новой супруге (дочь президента Конгома, на этот раз удачный выбор). Назначение на пост министра иностранных дел и первый по-настоящему омерзительный поступок: организация убийства перуанского президента и его замена марионеткой.

Сорок пять лет: смерть президента Конгома. Кампания за выборы Люсиндера президентом прекрасной Французской Республики, полностью профинансированная за счет Перу.

Новый девиз: «Люсиндер изучал историю, сейчас он ее пишет». Неудача. Пятьдесят два года: новые выборы. Победа: Власть. Наконец-то Елисейский дворец. Бразды правления секретными службами. Личный музей античных сокровищ, тайно «позаимствованных» из-за границы. Черная икра половниками. Пятьдесят пять: угроза ядерной войны. Противник испугался, ретировался, и Люсиндер лишился своего первого шанса войти в Историю.

Пятьдесят шесть лет: все более и более молоденькие любовницы. Пятьдесят семь: встреча со своим истинным другом, черным лабрадором Верцингеторигом, которого невозможно подозревать в нескрупулезных амбициях.

Наконец, пятьдесят восемь лет и завершение – в один миг – сей замечательной биографии: убийство великого человека в окружении толпы посреди Версаля.

И никаких больше зеркальных шаров. Жизнь, даже жизнь президента, всего лишь такова. Прах к праху, пепел к пеплу. Червь есть человек, и окажется он в желудке червя.

Если бы только ему дали уйти с миром! Даже червяк и тот имеет право на тихий финал. Но нет, они открывают ему глаза, кладут на операционный стол... Тычут пальцами, сдирают одежду, подключают к каким-то сложным аппаратам и повсюду, повсюду трещат как сороки. «Сделать все для спасения президента!» Идиоты...

К чему все эти старания? Он почувствовал, как наваливается великая усталость. Словно жизнь потихоньку уходит. Именно так. Уходит. Он чувствовал, что все куда-то уходит. Не может быть! Жан Люсиндер ощутил... что он сам уходит. Он покидает свое тело. Вот, вот! Ну точно, он вправду покинул свое тело. Он? Может, кто-то другой? Это что-то другое... как оно может называться? Его душа? Нематериальное тело? Эктоплазма? Материализованная мысль? Прозрачное и легкое! Вот они разъединяются, как оболочка, как кокон. Что за ощущения!

Он сбросил, покинул свою кожу, как старое поношенное платье. Он поднимается, возносится, выше, еще выше... Больше не болят пальцы. Он такой легкий!

Его... новое «я» на мгновение задержалось у потолка. Оттуда он мог созерцать вытянувшийся на столе труп и всех этих экспертов, с головой ушедших в интенсивную терапию. Никакого уважения к покойному. Вскрывают грудную клетку, перекусывают ребра, пихают электроды прямо в его сердечную мышцу!

Невозможно здесь больше оставаться, они его к тому же и окликают! Прозрачная нить, напоминающая пуповину, еще оставалась соединенной с его человеческим каркасом. По мере того как он отдалялся, эта серебристая и эластичная нить все больше удлинялась.

Он пересек потолок, прошел через множество этажей, заполненных больными. Наконец, крыша и затем небо. Вдали манит к себе благотворный свет. Фантастика! Еще люди, множество людей, летят вокруг него, как и он, влача за собой серебристую нить. Он ощутил себя участником великого праздника.

Внезапно его собственная серебристая нить прекратила растягиваться. Вот она твердеет, натягивается, тащит его вниз! Кажется, это свидетельствует о том, что Люсиндер еще не умер. Все другие эктоплазмы смотрят на него в недоумении: почему он не летит дальше? Нить тащит его обратно, как опущенная резиновая лента. Вот он пересекает крышу, потолки, вновь видит операционную и в ней врачей, бьющих разрядами в сотни вольт прямо ему в сердце. «Это запрещено!» Он уже провел один закон на эту тему двумя годами раньше в целях ограничения практики интенсивной терапии. Он вспомнил, это статья 676: «После полного прекращения кардиальной деятельности не разрешается осуществлять какие-либо манипуляции, вмешательства или операции, могущие привести к повторному пуску сердца». Но только, раз он был президентом, они, по всей видимости, решили, что его жизнь была выше закона. Ох уж эти убудки! Дерьма куски! Еще раз он открыл для себя неприятную сторону быть самым важным человеком страны. В эту минуту он хотел лишь одного: быть клошаром, на которого всем наплевать. Бомжем, попрошайкой, рабочим, домохозяйкой, не важно кем, лишь бы его

оставили в покое. Чтобы ему дали умиротворение смерти. Вот первейшее право гражданина: спокойно умереть.

«Дайте же сдохнуть человеку!» – кричал он изо всех сил. Но у его эктоплазмы не было голоса. Серебристая нить тянула его все ниже. Он больше не мог подняться обратно. Шлеп – и он слился со своим экс-трупом. Ну что за гадкое ощущение! Ой-ой! Опять этот вросший ноготь! Ребра перекусанные, чтобы добраться до сердца. И к тому же в этот момент ему влили еще один разряд, на этот раз очень, очень болезненный.

Он открыл глаза. Разумеется, при этом врачи и санитары испустили вопль радости и принялись друг друга поздравлять.

– Удалось, удалось!

– Сердце опять бьется, он дышит, он спасен!

Спасен? От кого спасен, от чего? Явно не от этих недоумков, в любом случае. Он страдал, о как он страдал! Он с трудом пробормотал что-то непонятное с мучительной гримасой.

– Прекратите электрошок, закрывайте грудную клетку!

А он хотел кричать: «Закройте дверь, дует же!»

Ему было так больно, словно резали по живым нервам.

Опять ты здесь, о мое брэнное тело.

Он приоткрыл одно веко, вокруг кровати стояло множество людей.

Ему было так больно, так больно. Как по нервам жгло огнем. Он вновь закрыл глаза, чтобы еще раз мысленно увидеть чудесную сияющую страну, там, высоко в небе.

32. Полицейское досье

На запрос по поводу основных сведений

Фамилия: Люсиндер

Имя: Жан

Цвет волос: седые

Глаза: серые

Рост: 1 метр 78 см

Особые приметы: нет

Примечание: пионер движения танатонавтов

Слабое место: президент Франции

33. Министр Меркассьер

Обставленный полностью в стиле Людовика Пятнадцатого, президентский кабинет был огромен. Комната освещалась слабо, но достаточно, чтобы различить картины прославленных мастеров и бесстыжие греческие скульптуры. Искусство было лучшим способом произвести впечатление на филистеров. Бенуа Меркассьер, министр науки, отчет себе в этом отдавал. Он также знал, что президент Люсиндер – хотя его лица и не было видно в полумраке – сидит прямо перед ним. Настольная лампа освещала только руки, но плотный силуэт президента был хорошо знаком, как, впрочем, и сидящий у его ног черный лабрадор.

Это была первая их встреча с момента покушения, чуть не стоившего жизни главе нации. Так отчего же он его пригласил, когда у него на руках столько папок с делами о внутренней и внешней политике, гораздо более срочных, чем проблемы научных исследований, вечно упировавшихся в вопрос субсидирования?

Поскольку Меркассьер не мог уже более выносить затянувшееся молчание, он осмелился его нарушить. Немного поколебавшись, он остановился на приличествующих случаю банальностях:

– Как вы себя чувствуете, мсье президент? Кажется, вам удалось хорошо поправиться после операции. Эти врачи совершили настоящее чудо.

Люсиндер подумал, что с удовольствием предпочел бы не встречаться с подобными чудесами. Он наклонился ближе к свету. Блестящие серые глаза уперлись в собеседника, скорчившегося в кресле с красной парчовой обивкой.

– Меркассер, я пригласил вас потому, что мне необходимо знать мнение эксперта. Один вы можете мне помочь.

– Я заинтригован, мсье президент. О чем идет речь?

Откинувшись в кресле, Люсиндер вновь нырнул в полумрак. Странно, малейший его жест производил впечатление необычного величия. Что же до лица, то казалось, будто оно внезапно стало (Меркассер удивился всплывшему в голове слову) ...более человеческим.

– У вас ведь биологическое образование, не так ли? – подал голос Люсиндер. – Скажите, что вы думаете о посткоматозных явлениях?

Меркассер уставился на него, потеряв дар речи. Президент разволновался:

– NDE, Near Death Experiences, те люди, что думают, что на какое-то время покинули свое тело и потом вернулись благодаря... благодаря прогрессу медицины?

Бенуа Меркассер не верил свои ушам. Вот вам, пожалуйста, Люсиндер, обычно такой реалист, а сейчас интересуется мистикой. Вот что значит пофлиртовать со смертью! Он заколебался:

– Я полагаю, что речь идет о модном течении, социальном феномене, который пройдет, как и все прочие до него. Людям необходимо верить в чудесное, в сверхъестественное, в то, что существует нечто другое помимо этого мира. Отсюда кое-какие писатели, гуру и шарлатаны наживаются, рассказывая всякие небылицы. Такая потребность в человеке существовала всегда. Религия этому доказательство. Достаточно пообещать рай в воображаемом будущем, как людям становится легче глотать горькие пилюли современности. Доверчивость, глупость и наивность.

– Вы правда так думаете?

– Конечно. Что может быть красивее, чем мечта о загробном рае? И что может быть более фальшивым?

Люсиндер откашлялся.

– Ну а все же, что, если в этих... рассказах что-то есть?

Ученый презрительно усмехнулся:

– В свое время доказательства имелись. Как гласит поговорка, это история про человека, который встретил кого-то, кто знает еще кого-то, а тот еще кого-то, кто видел медведя. В наши дни все работает ровно наоборот. Именно скептицизм дает нам доказательства, на которых основываются наши сомнения. Достаточно, чтобы кто-то – неважно кто – объявил, что завтра наступит конец света, как тут же найдутся специалисты, доказывающие, что это не так.

Люсиндер попытался сохранить объективность.

– Нет доказательств, вы говорите? Возможно, оттого, что никто не проводил таких исследований? Существует ли какой-либо официальный отчет на эту тему?

– Хм-м... насколько я знаю, нет, – сказал Меркассер обеспокоенно. – Пока что довольствовались записями этих сомнительных утверждений. Что вы имеете в виду? Эта тема вас интересует?

– Да! Да, Бенуа! – воскликнул Люсиндер. – И даже очень, потому что тот человек, который, как вы говорите, видел медведя своими глазами, – это... это я!

Министр науки недоверчиво уставился на президента. Он спросил себя, не привело ли, в конце концов, покушение на его визави к непоправимым последствиям? Сердце было повреждено, мозг в течение многих минут не орошался. Произошла некротизация некоторых зон? Он стал жертвой психического расстройства?

– Прекратите на меня так смотреть, Бенуа! – резко воскликнул Люсиндер. – Я только что вам объявил, что пережил NDE, а вовсе не о вводе коммунизма в государстве!

– Я вам не верю, – машинально парировал ученый.

Президент пожал плечами.

– Я бы сам себе не поверил, если бы не вернулся. Но вот он я. Я увидел чудесный континент и хотел бы больше о нем узнать.

– Увидел чудесный кон... Своими глазами?

– Ну да.

Всегда рационально мыслящий, Меркассер предложил объяснение:

– Перед тем как умереть, тело зачастую вырабатывает массу натуральных морфинов. Словно сгорая в последнем фейерверке, умирающий опьянен ими перед своим уходом... Совершенно очевидно, что именно они вызывают различные фантастические галлюцинации, «чудесные континенты» или что-то еще. А в том, что вас оживили на операционном столе, нет ничего сверхъестественного.

В свете настольной лампы Люсиндер не выглядел слабоумным. Совсем напротив. Даже несмотря на поврежденный мозг? Может, надо предупредить других министров, прессу, обезопасить ситуацию, пока президент не втянул страну в какую-то сумасшедшую авантюру? Бенуа Меркассер сжал кулаки под сиденьем. Но его собеседник уже продолжал спокойным тоном:

– Я знаком с эффектом воздействия наркотиков, Бенуа. Уже приходилось их принимать, и я отлично знаю разницу между передозировкой и реальностью. Разве не вы мне неоднократно повторяли, что неважно, о какой сфере науки идет речь, достаточно только обильных капиталовложений для быстрого достижения результатов?

– Да, конечно, но...

– Один процент бюджета на ветеранов войны, проведенный по другим статьям. Устраивает?

Меркассер переживал настоящую пытку.

– Я отказываюсь. Я истинный ученый и не могу принимать участие в подобном балагане.

– Я настаиваю.

– В этом случае... я предпочитаю подать в отставку.

– Правда?

34. Учебник истории

О смерти наших прадедов

«Ниже приведены данные об удельной смертности представителей различных социально-профессиональных категорий (той эпохи), умерших в возрасте 50 лет (на тысячу человек по каждой категории). Статистические данные за 1970 г. (конец второго тысячелетия)».

– Учителя: 732

– Президенты компаний и представители свободных профессий: 719

– Инженеры: 700

– Католическое духовенство: 692

– Фермеры: 653

– Руководители предприятий и коммерсанты: 631

– Конторские служащие: 623

– Администраторы среднего звена: 616

– Рабочие: 590

– С/х работники на окладе: 565

Учебник истории, вводный курс для 2-го класса

35. Новая Австралия

Без единой толковой мысли в голове Бенуа Меркассьер долго бродил взад и вперед по Елисейским Полям. Он был убежден, что NDE не бывает, и вот, нате вам, ему поручено найти неопровержимое доказательство обратного. Попросите атеиста продемонстрировать существование Бога или заставьте убежденного вегетарианца распропагандировать достоинства говядины.

Он отлично знал, почему Люсиндер именно ему вменил эту задачу. Президент обожал задавать своим подчиненным парадоксы. Он принуждал министров правой коалиции внедрять политику левых, сторонников экологии превозносить атомную энергетику, протекционистов следовать курсу свободной внешней торговли...

Все же он выделил двести тысяч франков на этот чертов «Проект Парадиз». Это абстракцией уже не назовешь. Но доказать, что в момент смерти человек покидает свое тело, чтобы попасть на «чудесный континент»...

Люсиндер был не первым из числа государственных руководителей, приступавших к эксцентричным проектам. Меркассьер вспомнил, что много лет тому назад, в семидесятых, чудакотому американскому президенту по имени Джимми Картер взбрело в голову установить контакт с НЛО. В НЛО он верил железно. Он объявил о программе по сбору всех свидетельств, касающихся этих знаменитых «неопознанных летающих объектов». Можно представить себе выражение лица аскетов от науки, вынужденных слушать эти галлюцинации, да еще и по телевизору! Кучу бюджетных денег ухлопали на строительство гигантских приемопередатчиков для улавливания сообщений гипотетического инопланетного разума и общения с ним. И он еще был удивлен, что ничего не вышло!

Люсиндер перешел свой Рубикон, но вот у Меркассьера такого выбора не было. Или плясать под дудку президента, или отказаться от своего министерского портфеля, а вместе с ним и от власти. Что ж, тем хуже для ветеранов! Он найдет, как потратить эти двести тысяч франков.

Да, но каким образом? Как и всякий раз, когда Меркассьер пребывал в сомнениях, он сразу подумал о своем самом лучшем и близком советнике: собственной супруге, Джилл.

К своему великому удивлению, он не застал ее врасплох, когда за ужином выложил проблему с NDE. Раскладывая по тарелкам пюре из спаржи, она задумчиво произнесла:

– Прежде всего надо придумать протокол эксперимента. Изобрести опыт, отвечающий на такой вот вопрос: «Да или нет, есть ли что-нибудь после смерти?» Ты с чего думаешь начать?

– Понятия не имею, – вздохнул он. – Президент убежден, что пережил NDE!

Как и всегда, она возразила:

– Не теряй головы. Чтобы получилось, надо заранее быть уверенным в победе.

– Да, но нельзя же требовать от меня, чтобы я верил в NDE, – пожаловался он. – Это противоречит всему, чему меня учили на факультете естествознания!

Она оборвала его стенания:

– Ты больше не ученый, ты – политик. Думай как политик, иначе никогда не выпутаешься. Что он тебе рассказал, этот твой президент?

– Он утверждает, что увидел «чудесный континент»...

– «Чудесный континент»?

Джилл нахмурила брови.

– Странно, то же самое говорили первые европейские мореплаватели, открывшие тот континент, где я родилась, – Австралию!

– И какая тут связь? – спросил он, наливая себе вина.

– Тебе предлагают исследовать новый континент. Ты должен перенять склад ума пионеров XVI столетия. Они не знали, что к востоку от Индонезии есть другая земля. Те, кто был уверен в ее существовании, считались ненормальными, точно так же, как ты относишься к заявлениям Люсиндера.

– Даже если так, это же был реальный континент, со степями, деревьями, зверями, аборигенами!

– Это легко сказать в XXI веке, ну а в ту эпоху, можешь себе представить? Тогда вести разговоры об австралийских землях было все равно что сегодня говорить о континенте за краем смерти.

Кабы не упорное желание сохранить ясность мысли, Меркассьер с удовольствием осушил бы сейчас всю бутылку бургундского. Удачный год к тому же. Джилл продолжала аргументировать:

– Поставь себя на место тогдашнего министра. Совершая заморское плавание, судно с твоим королем потерпело крушение и оказалось выброшенным на «чудесный континент». Его спас другой корабль эскадры, и после возвращения в столицу король приказал своему министру транспорта сделать все необходимое, чтобы больше узнать об этом таинственном острове.

– Ну, если под этим углом зрения...

Джилл настаивала:

– Тебе только надо окрестить страну мертвых «Новой Австралией» и потом перенять образ мышления исследователя. Задача стоит того. Представь себе, как в XXXI веке будут говорить: «Вы только подумайте, эти отсталые предки даже не знали про континент мертвых!» А в 3000 году еще один президент может начать исследования, как пройти еще дальше, скажем, даже про машину времени речь пойдет. И министр, которому будет поручена эта миссия, станет завидовать этому самому Меркассьеру, у кого задача была намного проще: всего лишь навсего побывать с визитом в стране мертвых...

Его жена была столь убедительна, что Бенуа не смог удержаться от вопроса:

– Но ты, ты сама веришь в этот континент мертвых?

– Да какая разница? Знаешь, если бы я была женой министра транспорта XVI века, я бы ему посоветовала нанять моряков и послать их проведать, существует ли Австралия. В любом случае, или ты станешь человеком, открывшим неизвестный доселе континент, или просто докажешь, что он не существует. И так и так ты в выигрыше.

Теперь пришла очередь Джилл завладеть бутылкой.

Уставившись в зеленое пюре, ее муж пробурчал:

– Это все очень хорошо, но какие корабли ходят в то место?

Одним глотком она осушила свой бокал.

– Тут мы возвращаемся опять к вопросу протокола эксперимента. Салату хочешь?

Нет. Он не был больше голоден. Все эти беспокойства перебили ему аппетит. Джилл же, напротив, отправилась на кухню за миской салата с помидорами. Вернувшись, она остановилась в дверях и резюмировала:

– Итак, уже решено назвать твой новый континент «Новой Австралией». Ну и кого же посылали колонизировать Австралию? Уголовных преступников, заключенных, хулиганов подлейшего сорта. И почему именно их?

Тут Меркассьер оказался в своей стихии.

– Потому что Австралия считалась опасной страной и лучше было не посылать тех, чья гибель стала бы потерей для общества.

Пока он это произносил, лицо его все больше и больше прояснялось. Джилл по-прежнему не подвела. Она дала-таки ему решение.

– Бенуа, ты нашел матросов, что примут участие в десанте на новый континент. Пора подыскать капитана.

Министр науки облегченно улыбнулся:
– А вот на этот счет у меня есть идея!

36. Мифология ацтеков

«Среди ацтеков было принято верить, что характер существования в загробном мире определяли не достоинства, приобретенные в земном мире, а обстоятельства, при которых человек встречал свою смерть.

Лучше всего считалось погибнуть в бою. При этом воины-куантеки („спутники Орла“) попадали в Тонатиучан, восточный рай, где покойники сидели рядом с богом войны.

Утопленники или умершие от болезней, связанных с водой (например, от проказы), совершали вояж в Тлалокан, рай Тлалока, бога дождя.

Те, кто не был признан ни одним из богов, шли в Миктлан, ад, где претерпевали четыре года испытаний, прежде чем окончательно исчезнуть.

Это была сфера Миктлантекутли, подземный мир. Попадали туда через пещеры. Душа должна была пересечь восемь подземных владений, прежде чем достичь девятого мира.

Первое препятствие: река Чикнауапан, которую мертвец должен был переплыть, уцепившись за хвост собаки, заранее принесенной в жертву на его могиле. Умерщвленные на похонах животные служили в роли проводников души на дорогах страны мертвых.

Второе препятствие: пройти между двух скал, сталкивающихся друг с другом через непредсказуемые интервалы.

Третье препятствие: взобраться на гору по отвесным тропам, усыпанным остроконечными камнями.

Четвертое препятствие: вынести штормовой ветер, несущий с собой зазубренные куски холодного как лед обсидиана.

Пятое препятствие: пройти между гигантских знамен, хлопающих на ветру, насколько может видеть глаз.

Шестое препятствие: преодолеть вихрь стрел, стремящихся пронзить мертвеца.

Седьмое препятствие: массированные атаки свирепых животных, желающих проглотить его сердце.

Восьмое препятствие: тесный лабиринт, где покойник рискует потеряться.

Лишь после этого он наконец заслуживает исчезновения».

Отрывок из работы Френсиса Разорбак «Эта неизвестная смерть»

37. Кстати

Несколькими неделями позже позвонил Рауль Разорбак. Он хотел срочно со мной встретиться. Голос его звучал странно, и, казалось, он терзается какими-то сильными душевными муками. Впервые он назначил мне встречу не на кладбище Пер-Лашез, а у себя дома.

Я его едва узнал, когда он открыл дверь. Он выглядел еще более худым, а выражение его лица я уже встречал среди шизофреников в нашей больнице.

– А, Мишель! Наконец-то!

Он махнул рукой в сторону кресла и предложил, чтобы я чувствовал себя как дома. Такой прием показался мне подозрительным.

Он что, получил какие-то неожиданные результаты со своими экспериментами по анабиозу сурков? Но каким боком это касается меня? Я медик, а не биолог.

– Ты слышал разговоры насчет покушения на президента Люсиндера?

Естественно. Во всей стране от них невозможно было спрятаться. В прессе, на телевидении и радио это была главнейшая тема. В нашего главу государства стреляли на глазах толпы

в Версале. Лучшие специалисты на все лады обыгрывали это событие. И как этот инцидент был связан с возбуждением моего друга?

– Вслед за этим президент Люсиндер поручил своему министру науки заняться...

Он внезапно остановился и ухватился за мое плечо:

– ...мною.

38. Учебник истории

«Первые пересадки органов между разными биологическими видами были произведены в середине XX века, а точнее в период 1960–70 гг. С этого момента страдающий от болезни человек стал напоминать автомобиль, в котором достаточно заменить дефектные детали. Тут же смерть обрела форму простой механической поломки. Если кто-то умирал, в этом виноваты были неадекватные запчасти. Исследователи выяснили, что сердце свиньи обладает генетической природой, соответствующей человеку-реципиенту, которому производили трансплантацию. Постоянно совершенствуемая технология стала позволять поддерживать функционирование пересаженных органов. Все стало заменяемым, кроме мозга. До поры до времени!

Логичным стало думать, что в один прекрасный день удастся охватить все виды повреждений, тем самым поняв сущность самой главной неисправности: смерти. Это был всего лишь вопрос технологии. Одновременно с этим увеличилась продолжительность жизни. Признаки старости стали синонимом недосмотра. Каждому надлежало следить за хорошим техобслуживанием своего биологического механизма.

Стариков старались не показывать, чтобы лучше было видно тех, кто с сияющим видом занимался теннисом или бегом. В ту эпоху считалось, что лучший способ борьбы со смертью – это камуфляж ее предвещающих симптомов».

Учебник истории, вводный курс для 2-го класса

39. Амандина

Друг мой Рауль пихнул меня в свой древний «Рено-20» с откидным верхом и рванул с места.

– Ты куда меня везешь?

– Где все происходит.

Большого я от него не добился. Ветер уносил прочь и мои вопросы, и его ответы. Как бы то ни было, мы покидали Париж. Я поежился, когда он наконец затормозил перед зловещей вывеской: «Исправительное учреждение Флери-Мерожи».

Снаружи место напоминало скорее не тюрьму, а небольшой поселок или больничный комплекс. Рауль припарковался на соседней стоянке и повлек меня ко входу. Он предъявил какую-то бумагу, я же показал свое удостоверение личности. Мы прошли через КПП и, углубившись в длинный коридор, оказались перед запертой дверью.

Уже чем-то недовольный человек нам отворил. Его физиономия еще больше нахмурилась при виде широко улыбающегося Разорбака.

– Мои приветствия, мсье директор. Хочу представить вам доктора Мишеля Пинсона. Вы должны незамедлительно выдать ему пропуск. Заранее благодарен.

Прежде чем директор смог произнести хоть слово, мы уже мчались по новым коридорам. У меня возникло чувство, что охранники провожают нас недобрым взглядом.

Мы очутились во дворе, в самом центре тюремного городка. Он был огромен. Пять корпусов тянулись, насколько хватало взгляда. В середине каждого имелось по футбольному полю. Рауль объяснил мне, что заключенные чудовищное количество времени отводят на занятия спортом, но в этот час они еще сидели по своим камерам.

Хорошо, что так, потому как многие показались мне довольно раздосадованными нашим присутствием. Ухватившись за решетки первого этажа, они орали:

– Г...нюки, ублюдки, кожу сдеру!

Охранники, судя по всему, затыкать им рот и не собирались.

Один особенно громкий голос прорвался сквозь общий рев:

– Все знают, чего вы там вытворяете во втором блоке! Таких, как вы, убить мало!

Меня охватило беспокойство. Что же наделал продолжавший беззаботно шагать мой друг, что довел этих людей до такого остервенения? Я знал, что увлечения Рауля могли завести его далеко, очень далеко, даже за пределы разумного.

Корпус D2. Я прибавил шаг, и не из желания поскорее узнать побольше, а просто чтоб не остаться одному посреди свирепых эзков и не менее враждебных охранников. Опять коридоры, лязгающие двери. Лестницы. Еще лестницы. Впечатление, будто спускаешься в ад. Снизу доносился хриплый смех вперемешку с тягучими стонами. Здесь что, держат сумасшедших?

Ниже, еще ниже. Сумрачнее, еще сумрачнее. Я вспомнил о методе, которым пользовался Эскулап для лечения безумия. Прошло свыше трех тысяч лет, как была учреждена лечебница, именуемая Эсклапион, чьи руины все еще можно видеть в Турции. Там этот пионер психиатрии соорудил лабиринт темных туннелей. После длительного ожидания, когда им внушали, что их ждет наивысшее наслаждение, туда впускали безумцев. Тут же начинали звенеть колокольчики, и чем дальше человек углублялся в лабиринт, тем мелодичнее становились звуки. Когда же зачарованный безумец останавливался в самом темном месте, на него скидывали тонну осклизлых змей, под которыми и принимался барахтаться несчастный, только что доведенный до вершины блаженства. Или же он умирал на месте от страха, или же вылечивался. По сути дела, Эскулап изобрел электрошоковую терапию.

Бродя по подземелью Флери-Мерожи, я спрашивал себя, когда же наконец столкнусь со своей бочкой рептилий.

Тут Рауль вытащил заржавленный ключ, которым отпер здоровенную, усаженную заклепками дверь, и за ней я обнаружил жутко захламленный ангар. В нем находилась троица мужчин в спортивных трико и еще одна молодая девушка-блондинка в черном халате, при виде которой я испытал что-то вроде дежавю.

Мужчины встали и уважительно поприветствовали моего друга.

– Позвольте представить доктора Мишеля Пинсона, о котором я вам уже рассказывал.

– Спасибо, что пришли, доктор, – воскликнули они хором.

– Мадемуазель Баллю, наша медсестра, – продолжил Рауль.

Я помахал девушке рукой и констатировал, что меня она смерила взглядом.

Место это, должно быть, когда-то служило лазаретом. Справа располагался лабораторный стеллаж, весь уставленный дымящимися флягами, должно быть, сосудами Дьюара с жидким азотом. В центре помещения, словно трон, было воздвигнуто древнее стоматологическое кресло с облупленным сиденьем, окруженное ворохом электрических проводов и аппаратами со светящимися экранами.

Весь этот ансамбль напоминал гараж мастера-самоделкина. Видя, в каком состоянии находятся все эти машины, ржавые рычаги и прочие железяки, я даже спросил себя, уж не лазил ли Рауль по университетским помойкам. Экраны осциллографов потрескались, а электроды кардиографов потемнели от старости.

Однако ж я достаточно много времени провел в лабораториях, чтобы знать, что безупречный и безукоризненный вид, который всегда показывают в кино, в большинстве случаев обманчив. В действительности нет ни никелированных столов, ни халатов прямо из прачечной, а скорее только озабоченные типы в побитых молю свитерах.

Один мой друг, занимаясь важной темой – изучением траектории мысли по закоулкам мозга, – сумел выбить для своей лаборатории всего лишь кусок подземной парковки в боль-

нице Бишат, где все звенело и подпрыгивало при каждом проходе метropоезда. Из-за нехватки фондов он не смог приобрести металлическую подставку для церебрально-волнового приемника, и ее пришлось заменить кусками фанеры, сикось-накось обмотанных скотчем и для верности скрепленных кнопками. Да-да, даже во Франции научные исследования ведутся таким вот образом.

– Моншер Мишель, в сем месте воплощается наиболее грандиозный эксперимент нашего поколения, – помпезно объявил Рауль, оторвав меня от размышлений. – Во времена оные, как ты знаешь, мы беседовали с тобой о смерти, встречаясь на кладбище Пер-Лашез. Тогда я именовал ее неисследованным континентом. А сейчас, здесь, мы намерены водрузить на нем свой стяг.

Вот те раз. Бочка со змеями таки свалилась мне на голову. Рауль, Рауль Разорбак, мой лучший и давнишний друг, сошел с ума. Вот до чего доводят заигрывания со смертью! Видя мой отупелый взгляд, он поторопился разъяснить:

– Президент пережил NDE после недавнего покушения в Версале. И поручил своему министру науки, Бенуа Меркассеру, приступить к программе исследований о запредельной коме. Оказалось, что тот читал в международных журналах мои статьи про «искусственную гибернацию сурков». Он со мной связался и спросил, не мог бы я воспроизвести аналогичные опыты на человеке. Я тут же согласился. Очень может быть, что мои сурки побывали в загробном мире, но они не могли рассказать мне, что же там видели. С людьми все по-другому. Да, дорогой мой, правительство дало мне «зеленый свет» на исследования по NDE с помощью спецдобровольцев, другими словами, заключенных. Эти господа – наши пилоты на тот свет. Они... э-э... хм-м...

Он на секунду задумался словно в поисках вдохновения.

– Они...

Потом лицо его просветлело:

– ...та-на-то-нав-ты. От греческого *танатос*, смерть, и *наутес*, мореплаватель. Танатонавты. Вот хорошее слово. Танатонавт.

И он еще раз повторил:

– Танатонавт. Слово той же группы, что и космонавт или астронавт. Это будет их общим названием. Наконец-то мы изобрели настоящий *термин*. Мы используем танатонавтов для занятий... та-на-то-нав-ти-кой.

В подземелье Флери-Мерожи родился новый вокабулярий. Рауль сиял.

Девушка-блондинка извлекла бутылку мозельского и печенье. Все выпили за первое крещение. Один я оставался мрачен и отпихнул бокал, который протягивал мне Рауль.

– Извините. Не хочу портить вам настроение, но здесь, как я вижу, играют с жизнью. Миссия этих господ, насколько я понял, это завоевание континента мертвых, так?

– Ну конечно, Мишель. Здорово, да?

Рауль поднял руку, указывая на грязный, залепленный пятнами потолок.

– Поистине грандиозная задача как для нашего, так и будущих поколений: разведка того света.

Я уперся.

– Рауль, мадам, господа, – сказал я очень спокойно, – я вижу, что должен вас покинуть. Я не желаю иметь ничего общего с полоумными самоубийцами, развлекающимися с поддержки правительства. Счастливо оставаться.

Я быстро направился к выходу, как вдруг медсестра ухватила меня за руку. Впервые за все время я услышал ее голос.

– Обождите, вы нам нужны.

Она не просила, тон ее голоса был холодным, почти безразличным. Должно быть, именно так ей доводилось требовать вату или хромированный скальпель.

Я встретил ее взгляд. У нее были глаза необычного цвета: светло-голубые и в самом центре бежевые, напоминая острова в океане. Я тут же в них провалился, как в бездну.

Она продолжала пристально смотреть, без улыбки, без тени дружеских чувств. Как если бы один только факт ее обращения ко мне уже был величайшим подарком. Я отшатнулся. Мне не терпелось вырваться из этого жуткого места.

40. Полицейское досье

На запрос по поводу основных сведений

Фамилия: Баллю

Имя: Амандина

Цвет волос: блондинка

Глаза: светло-голубые

Рост: 1 метр 69 см

Особые приметы: нет

Примечание: пионер движения танатонавтов

Слабое место: чрезмерное увлечение сексом

41. Мифология Амазонки

Когда-то Творец мира решил сделать людей бессмертными. Он приказал им: «Пойдите на берег реки. Там вы увидите три проплывающие пироги. Ни в коем случае не останавливайте первые две. Дождитесь третьей и обнимите тот Дух, что в ней находится».

При виде первой пироги, нагруженной гнилым мясом, кишасей грызунами и испускающей тошнотворный запах, объятые страхом индейцы попятились назад. Но когда появилась вторая лодка, они увидели там смерть в человеческом облике и побежали ей навстречу. Много, много позже появился дух Творца в третьей пироге. С ужасом он увидел, что люди обняли смерть. Вот так сделали они свой выбор.

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

42. По скользкой дорожке

Недели две я не слышал никаких новостей про моего бывшего друга, профессора Разорбака, и его танатомашину. Должен признаться, я был сильно разочарован. Рауль, кумир моей юности, начал воплощать свои фантазмагии, а я не испытывал ничего, кроме отвращения. Я даже думал, не сдать ли его в полицию. Если в смертельных экспериментах вместо морских свинок участвуют люди, Рауля следовало бы обезвредить.

И все же, во имя нашей старинной дружбы, я этого не сделал. Я повторял самому себе, что если Рауль, как он сам утверждает, получил поддержку главы государства, ему, должно быть, предоставлены необходимые полномочия и гарантии.

«Вы нам нужны», – сказала медсестра, и эта фраза меня преследовала. Для убийства-то людей, чего они от меня добивались? «Дайте нам чуток цианистого калия с крысиным ядом, и до свидания»? Но ведь я принял клятву Гиппократу, и одним из правил моей профессии было спасение жизни, а не ее прекращение.

Когда Рауль вновь объявился, я хотел сказать ему, что не желаю больше слышать ни о нем самом, ни о его экспериментах, но что-то меня остановило: может, наша старая дружба, а может, те слова юной медсестры, что все еще эхом отдавались в моих ушах.

Рауль пришел ко мне домой. Он казался постаревшим, и во взгляде читалась нервозность. Видно было, что он не спал много дней. Одну за другой он курил тонкие сигареты с эвкалиптом, что называются «биди», тратя на каждую не больше пары затяжек.

– Мишель, не осуждай меня.

– А я и не осуждаю. Я пытаюсь тебя понять и не могу.

– Да какое значение имеет индивидуум по имени Разорбак? Только проект важен. Он выше всех. Это величайшая задача нашего поколения. Я тебя шокировал, но послушай, все наши предшественники пользовались скандальной славой в глазах своих современников. Рабле, веселый писатель Рабле по ночам шел на кладбище выкапывать трупы, чтобы на них изучать анатомию ради прогресса медицины. В ту эпоху такие похождения считались преступлением. Но благодаря ему потом была выяснена природа кровообращения и стало возможным спасать жизни переливанием крови. Мишель, если бы ты жил в то время и Рабле попросил твоей помощи в своих ночных экспедициях, что бы ты ему ответил?

Я задумался.

– Сказал бы «ладно», – ответил я наконец. – «Ладно», потому что его... пациенты уже были мертвы. Но эти морские свинки, Рауль... потому что знаменитые твои танатонавты и есть настоящие морские свинки – они очень даже живые! А все твои манипуляции преследуют одну только цель: умертвить их! Или я ошибаюсь? Да или нет?

В длинных, нервозных ладонях Рауля защелкала зажигалка. Огонь не появлялся. Или у него пальцы слишком дрожали, или же кремль совсем поистерся.

– Нет, ты не ошибаешься, – сказал он сдержанно. – Поначалу у нас было пять танатонавтов, и двое уже умерли. И умерли по глупости, просто оттого, что я не врач и не знаю, как их реанимировать. Я умею довести сурков до анабиоза и потом вернуть их к жизни, но, когда речь идет про людей, я бессилен. Я понятия не имею, как рассчитать точную дозу анестетика. И чтобы положить конец напрасным попыткам, я прошу твоей помощи, твоих знаний и твоей изобретательности.

Я протянул ему спички.

– Да уж, анестезия – это моя специальность. Но вот класть людей в кому – это совсем другое дело.

Он поднялся и прошелся по комнате.

– Ну поразмысли тогда. Придумай что-нибудь! Ты мне нужен, Мишель. Однажды ты мне сказал, что я всегда могу на тебя рассчитывать. Вот и настал такой день. Ты мне нужен, Мишель, и я прошу тебя о помощи.

Конечно же, я хотел ему помочь. Как в старое доброе время. Он и я против слабоумных. Но на этот раз никаких слабоумных перед ним не было. Он вознамерился бросить вызов чему-то холодному и неизвестному, что звалось смерть. При одном только упоминании о ней люди крестились. И вот он отправляет *ad patres* тех несчастных, что в него поверили. Из чистого любопытства. Чтобы уладить дела со своим отцом. Чтобы пощекотать самолюбие исследователя нового мира. Рауль, мой друг Рауль хладнокровно убивал людей, которые не сделали ему ничего плохого... Он убивал их во имя науки. Все во мне кричало: «Безумец!»

Он же взирал на меня с привязанностью, словно старший брат.

– Знаешь китайскую поговорку? «Тот, кто задает вопрос, рискует на пять минут прослыть глупцом. Тот, кто не задает вопросы, останется глупцом на всю жизнь».

Я решил бить его же оружием.

– Есть еще более известная фраза, на этот раз иудейская. «Не убий». Из десяти заповедей. Можешь найти ее в Библии.

Он прекратил вышагивать из угла в угол и крепко схватил меня за оба запястья. Его ладони были теплые и влажные. Он впился взглядом в мои глаза, чтобы лучше убедить:

– Они забыли добавить одиннадцатую: «Не умирай в невежестве». Я признаю, может, пять, десять, пятнадцать человек должны умереть. Но какова ставка! Если нам удастся, мы наконец-то узнаем, что такое смерть, и люди перестанут ее бояться. Все те парни в спортивных трико, что ты видел в нашей лаборатории, все они заключенные, это ты знаешь, но они к тому же добровольцы. Я их специально отбирал. У них у всех одно общее: пожизненное заключение, и каждый писал президенту, что просит заменить этот приговор на смертную казнь, чем гнить в тюрьме. Я больше пятидесяти человек опросил, таких как они. Оставил только тех, что показались мне искренне хотевшими покинуть жизнь, которая им так осточертела. Я рассказал им про «Проект Парадиз», и они тут же загорелись.

– Потому что ты их обманул, – сказал я, пожимая плечами. – Они же не ученые. Они и понятия не имеют, что у них 99,999 % шансов лишиться шкуры в твоих экспериментиках. Они все равно боятся смерти, даже если их убеждают в обратном. Все боятся смерти!

Он еще раз меня встряхнул, на этот раз сильнее. Стало больно, но он не обращал внимания на мои попытки высвободиться.

– Я их не обманывал. Никогда. Они знают про весь риск. Знают, что многие умрут, прежде чем наступит тот день, когда кому-то из них удастся вернуться из добровольно вызванного NDE. Это будет первопроходец. Он сделает первый шаг в завоевании мира мертвых. По большому счету это как лотерея, много неудачников на одного выигравшего...

Он присел, схватил бутылку виски, стоявшую у меня на столике, и налил полный стакан. Спичкой он заново разжег одну из своих сигареток.

– Мишель, даже ты и я, мы когда-нибудь умрем. И вот перед своей смертью мы себя спросим, что же мы сделали в жизни. Что-нибудь исключительное, оригинальное! Давай предложим новый путь. Если нам не удастся, другие продолжат. Танатонавтика только зарождается.

Такое упрямство привело меня в уныние.

– Ты одержим невозможным, – вздохнул я.

– «Невозможно», именно это говорили Христофору Колумбу, когда он утверждал, что может поставить яйцо на попа.

Я горько улыбнулся.

– Как раз это было просто. Достаточно постучать кончиком об стол.

– Да, но он-то первый это обнаружил. На вот тебе, предлагаю решить задачку. Она тебе покажется такой же невозможной, как и колумбово яйцо в свое время.

Из кармана пиджака он вытащил записную книжку с карандашом.

– Можешь начертить круг и поставить точку в центре, не отрывая карандаш от бумаги?

Чтобы я лучше понял, он сам нарисовал круг с точкой посередине.

– Сделай вот так, но не отрывая карандаша, – приказал он.

– Это невозможно, и ты сам это знаешь!

– Не больше, чем поставить яйцо на попа. Не больше, чем завоевать континент мертвых. Разглядывая круг с точкой, я недоверчиво пожевал губами.

– Ты правда знаешь решение?

– Да, и я тебе немедленно покажу.

Этот-то момент и выбрал мой дорогой братец Конрад, чтобы без предупреждения ввалиться ко мне в квартиру. Дверь была не заперта, и он, понятное дело, не потрудился даже постучать.

– Привет честной компании! – жизнерадостно объявил он.

Я не испытывал ни малейшего желания продолжать разговор в присутствии моего брата-кретина и решил окончательно покончить с этими скабрёзными дебатами.

– Сожалею, Рауль, но твоё предложение меня не интересует. Что же до твоей задачки, то без обмана её решить нельзя.

– Маловерный! – воскликнул он, вечно уверенный в самом себе.

Кинув визитную карточку на столик, он добавил:

– Если передумаешь, то можешь найти меня по этому телефону.

И с этой последней ремаркой он удрал, даже не попрощавшись.

– Я, кажется, знаю этого типа, – заметил мой брат.

Пора сменить тему.

– Слушай, Конрад, – сказал я, будто был жутко рад его видеть. – Слушай, Конрад, как у тебя делишки?

В фонтане красноречия тут же выбило пробку, и я заранее заскучал. Пришлось узнать до мелочей, как делишки у Конрада. Он занимался импортом и экспортом «всего, чего можно запихать в контейнер». Он разбогател. Он женился. У него было двое детей. Он купил отличную корейскую спортивную машину, «просто супер». Он играл в теннис. Он посещал знаменитые салоны, а в любовницах у него была его же компаньонша по бизнесу.

Конрад с удовольствием разглагольствовал о последних событиях своего счастливого бытия. Он приобрел полотна известного мастера по бросовым ценам, купил коттедж на морском побережье в Бретани, и когда мне «захочется помочь переклеить там обои, то добро пожаловать». Его дети преуспевали в школе.

Я наклеил любезную улыбку, но еще пара-тройка замечательных новостей в этом же духе, и я не смогу больше удерживать растущую потребность хорошенько врезать кулаком по его физиономии. Ничто так не раздражает, как везенье других. Особенно на фоне твоих собственных неудач...

Три-четыре раза в неделю мне названивала мать:

– Ну что же, Мишель, когда же ты мне, наконец, объявишь что-нибудь хорошее? Пора уже подумать обзавестись семьей. Посмотри на Конрада, как он счастлив!

Но одни лишь только подталкивания к браку мою мать не удовлетворяли. Она действовала. Однажды, к моему великому удивлению, она предложила мне написать в газету брачное объявление: «Знаменитый врач, богатый, интеллигентный, элегантный и одухотворенный, ищет женщину с такими же качествами». Ну или что-то в этом роде. Я был вне себя от бешенства!

Пока я был заворочен загадкой круга с нарисованным центром, Конрад продолжал излагать все подробности своей удачливой жизни. Он описал каждую комнату своего бретонского поместья и как он обвел вокруг пальца местных туземцев, чтобы заполучить его за четверть цены.

Ох уж эта его снисходительная улыбка! Чем больше он болтал, тем больше я слышал жалости в его голосе. «Бедный Мишель, – надо полагать, думал он. – Столько лет учиться, чтобы владеть такой одинокою, печальную и жалкую жизнь».

Да, это правда. В ту пору жизнь моя была хуже некуда.

Я жил один, по-холостяцки, в своей крошечной студии на улице Реомюра. Больше всего меня тяготило одиночество, и я уже не испытывал никакого удовлетворения от своей работы. По утрам я приходил в больницу. Просматривал там план-карты предстоящих операций, готовил свои растворы, втыкал шприцы, глядел на экраны мониторов.

Пока что мне еще не повезло стать знаменитым анестезиологом, да к тому же мое существование в роли великого жреца в белом облачении было еще очень далеко от всех тех надежд, о которых когда-то – очень давно – я мечтал, на краткий миг попав в больницу Сен-Луи. Сестрички милосердия все-таки носили кое-что еще под своими рабочими халатиками. Некоторые определенно были свободны, но и они отдавались исключительно в надежде выйти замуж за врача, чтобы больше не работать.

Моя профессия не принесла мне ничего, кроме обманутых ожиданий.

Я не обладал никаким весом ни в глазах своих начальников, ни подчиненных. Равные же мне – меня игнорировали. Я был всего лишь полезной вещью, а точнее, рабочим винтиком с

одной-единственной функцией. Тебе дают пациента, ты его усыпляешь, его оперируют, и все по новой. Ни здравствуйте, ни до свидания.

Конрад все еще трещал как сорока, а я говорил себе, что должно быть что-то другое, чем моя нынешняя жизнь и Конрадово, так сказать, счастье. Определенно есть что-то другое.

Так как же нарисовать круг и его центр, не отрывая карандаш от бумаги? Невозможно, решительно невозможно.

Я был несчастен, а Рауль ушел, забрав с собой свое сумасшествие, свою страсть, свою эпопею, свое приключение, оставив меня в объятиях одиночества и отвращения к самому себе.

На столике, словно мираж, белела его визитная карточка.

Круг и его центр... Невозможно!

43. Буддистская философия

«Как вы думаете, о ученики, чего больше:

Воды в огромном океане или слез, которые вы проливаете, совершая это долгое паломничество, мчась от нового рождения к новой смерти,

Вновь встречаясь с теми, кого ненавидите, и вновь расставаясь с теми, кого любите,

Страдая за эти долгие века от боли, горестей, болезней и гнета кладбищенской земли,

Достаточно долго, чтобы устать от существования,

Достаточно долго, чтобы захотеть от всего этого избавиться?»

Поучения Будды

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

44. Дозрел

Потребовалось еще несколько недель разочарований, унижений и бесконечного раздражения, чтобы я решил наконец склониться на сторону Рауля с его сумасбродством.

Немалую роль в этом сыграли беспрестанные звонки матери и неожиданные визиты моего брата. Добавьте сюда амурную неудачу (одна моя коллега по работе окончательно мне отказала и ушла с дебилом-стоматологом), отсутствие хороших книг, чтобы меня хоть как-то подбодрить, – и вы поймете, что я был готов для Флери-Мерожи.

И все же последней каплей оказалась не эта тоскливая коллекция мелких неприятностей, а одна старенькая дама, ожидавшая серьезной операции.

Я уже собирался сделать ей укол анестетика, когда пришел ассистент предупредить, что хирург еще не готов. Я знал, что это означает. Этот недоделанный дурак расслаблялся со своей санитаркой в раздевалке. Как только они покончат со своими любовными играми, я смогу усыпить свою пациентку, чтобы он удалил ей опухоль при шансах один к двум, что она выживет.

Это такой... такой бред! Пять тысячелетий цивилизации, и теперь надо еще обождать, пока хирург славно не кончит и не опоздает на пять минут спасти жизнь больного!

– Почему вы смеетесь? – спросила пожилая дама.

– Да нет, ничего. Это нервное.

– Ваш смех напомнил мне моего мужа перед тем, как он умер. Я очень любила слушать, как муж смеется. Он скончался от разрыва аневризмы. Ему повезло, он этого даже не заметил. Он умер... в хорошем настроении.

Получается, для нее смех мужа прозвучал похоронным колоколом.

– С этой операцией я наконец-то к нему присоединюсь.

– Да что вы такое говорите! Доктор Леви настоящий ас.

Старушка покачала головой.

– Нет, я рассчитываю отдохнуть. Хватит мне уже доживать свой век одной. Я хочу вернуться к своему мужу. Там. В раю.

– Вы верите, что есть рай?

– Конечно. Это так страшно, если вместе с жизнью все кончается. Обязательно есть что-то «после» нее. Я опять встречаюсь с моим Андрэ, там или в другой жизни, мне все равно. Мы так друг друга любили и так долго!

– Не надо, не говорите так. Доктор Леви вас вылечит, эту вашу маленькую болячку.

Я возражал ей все более и более неуверенно, потому что уже массу раз был свидетелем некомпетентности этого врача.

Она внимательно смотрела на меня глазами доверчивого, ласкового щенка.

– Что же, я должна вернуться и жить совсем одна, с моими воспоминаниями, в этой огромной квартире?.. Какой ужас!

– Но ведь жизнь, она ведь...

– Горькая? Без любви жизнь поистине долина слез.

– Но это же не только любовь, это ведь еще...

– Еще что? Цветы, птички? Какая глупость! У меня в жизни не было ничего, кроме Андрэ, и я жила только для него. И вот, пожалуйста, эта история с опухолью. Повезло.

– У вас нет детей? – спросил я.

– Ну как же, есть. Ждут не дождутся наследства. После операции вам совершенно точно будут звонить, доктор, узнавать, могут ли они немедленно завладеть своей новой машиной или же им придется еще немного подождать.

Наши глаза встретились. Сами собой с моих губ сорвались слова:

– А вы знаете, как нарисовать круг и поставить точку в центре, не отрывая карандаша от бумаги?

Она рассмеялась.

– Вот так вопрос! Это в детском саду проходят.

Взяв носовой платок вместо бумаги, она показала мне, как это делается. Я пришел в восторг. Решение было таким очевидным, что, естественно, никогда не приходило мне в голову.

Старушка мне весело подмигнула. Она оказалась из числа тех, кто понимает, почему такой ерунде уделяют столько внимания.

– Достаточно поразмыслить, и все получится, – сказала она.

Даже узнав решение, я подумал, что Рауль действительно был гений. Гений, способный нарисовать круг с центром, не отрывая карандаша от бумаги, может, пожалуй, насмехаться и над смертью...

Тут, толкая перед собой столик с инструментами, вошли две темнокожие санитарки, а за ними объявился и самодовольный хирург.

Пятью часами позднее она скончалась. Леви в бешенстве сорвал прозрачные каучуковые перчатки. Он ругал всех и вся. Организм ослаб, больную слишком передержали, на что тут можно надеяться...

– Может, пойдем пива выпьем? – предложил он мне.

Зазвонил телефон. Как и было обещано, это оказались бабушкины детки. Я швырнул трубку. Рука уже искала в кармане визитную карточку Рауля.

45. Учебник истории

«Неизвестно, как именно появилась танатонавтика. Согласно одним историкам, в ее истоках стояла группа друзей, желавших провести оригинальный эксперимент. По другим данным, первые танатонавты преследовали лишь чисто экономические цели. Они хотели быстро разбогатеть, прорвавшись в совершенно новый мир».

Учебник истории, вводный курс для 2-го класса

46. Вперед

Я знал, что Рауль предложил мне стать соучастником будущих преступлений. Преступлений во имя науки или я уж не знаю каких мечтаний о завоевании того света.

Идея отправлять людей на смерть из чистого любопытства меня все еще шокировала, но в то же время я весь горел желанием хоть чуть-чуть придать остроты своему существованию.

Чтобы решиться, я даже взялся за монетки. Я улучшил метод Рауля, став использовать не одну, а три монетки по два франка. Это придавало моему решению больше нюансов. Орел-орел-орел означало «абсолютно да». Орел-орел-решка – «пожалуй, да». Решка-решка-орел – «пожалуй, нет». Решка-решка-решка – «абсолютно нет».

Монеты взлетели посоветоваться с потолком. Потом они одна за другой упали.

Орел-орел-решка: «пожалуй, да».

Я взялся за телефонную трубку. В тот же вечер страшно довольный Рауль долго говорил мне о проекте. В моей маленькой студии его ладони порхали, как два счастливых голубя.

Он был опьянен словами.

– Мы станем первыми! Мы завоюем «чудесный континент»!

Чудесный континент против клятвы Гиппократ. Я попробовал удержаться на последней линии обороны. Если потом дело обернется самым худшим, я всегда смогу самого себя убедить, что Рауль выкручивал мне руки.

Он бросал в меня новыми аргументами:

– Галилея тоже считали сумасшедшим.

После Колумба – Галилей! Определенно, этот бедный Галилей, сойдя за человека с горячным воображением, удачно потом воспользовался своим алиби. Практичный такой Галилей, ловко это он...

– Ладно, допустим. Галилея считали сумасшедшим, а он оказался совершенно здоров. Но на одного несправедливо обвиненного Галилея сколько их, настоящих умалишенных?

– Смерть... – начал было он.

– Смерть? Да я каждый день вижу смерть в больнице! Умиравшие что-то не похожи на твоих танатонавтов. Пройдет сколько-то там часов, и от них начинает нести, руки-ноги сводит трупным окоченением. Смерть – это распад. Это грудa омертвевшего мяса.

– Плоть тлеет, душа реет, – философски заметил мой друг.

– Ты же знаешь, я был в коме и душа моя чего-то не реяла.

Он принял огорченный вид.

– Мой бедный Мишель, тебе просто не повезло.

Я должен, должен был сказать Раулю, что отлично знаю, почему он так интересуется смертью. Вечно этот его отец со своим самоубийством. Ему больше нужен хо-роший сеанс психоанализа, а вовсе не этот «Проект Парадиз». Но... орел-орел-решка, я уже выбрал.

– Ладно, уговорил. Ты мне уже рассказывал о двух первых потерях из-за неправильной дозы анестетиков. Ну и чем же ты пользуешься, чтобы вызвать кому?

Его лицо засияло улыбкой. Он прижал меня к груди и залился счастливым смехом. Он знал, что выиграл.

47. Китайская философия

«Хочешь научиться, как лучше жить? Научись сначала, как умереть».

Конфуций

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

48. «Он сказал „поехали!“ Он взмахнул рукой...»

Светло-голубые глазки хорошенькой медсестры были прикрыты ресницами, но мне ее молчание напоминало на этот раз беззвучное поздравление.

Мне казалось, что я с ней давно знаком, потому что она походила на Грейс Келли из фильма Хичкока «Окно во двор». Но, естественно, Амандина была намного красивей.

Все в ангаре Флери-Мерожи, похоже, были рады меня видеть. Присутствие врача, к тому же анестезиолога, немедленно вселило уверенность и в командный экипаж, и в отряд кандидатов на самоубийство.

Рауль их всех представил. Медсестра отзывалась на имя «Амандина», будущие же танатонавты звались Клемент, Марселлин и Хьюго.

– Поначалу у нас было пять танатонавтов, – напомнил мне наш капитан. – Двое скончались, став жертвой медикаментозной погрешности. В одночасье ведь не станешь анестезиологом. Так добро же пожаловать в нашу команду!

Трое заключенных в спортивных трико раскланялись, не спуская с меня подозрительного взгляда.

Рауль повлек меня к лабораторному стеллажу и дьюарам.

– Ты будешь это осваивать вместе с нами. Сообща мы проникнем на неизвестную территорию. У нас нет предшественников. Мы словно первопроходцы, когда-то ступившие на землю Америки или Австралии. Откроем же свою «Новую Австралию» и водрузим на ней наше знамя!

Затем профессор Разорбак вернулся к своей обычной, серьезной манере. Чистое безумие в его глазах уступило место жажде работы.

– Покажем доктору Пинсону, как мы вызываем кому, – сказал он.

Без малейшего колебания Марселлин, самый маленький среди добровольцев, уселся в обшарпанное стоматологическое кресло. Медсестра принялась прилаживать ему электроды на грудь и лоб, потом всякие прочие датчики для измерения температуры, влажности, частоты пульса. Все провода шли к экранам, где прыгали зеленые линии.

Я осмотрелся.

– Эх, была не была!

Вот так все и началось. Я стал участником их иллюзий. Я принялся осматривать содержимое лабораторного стеллажа, шкафчиков над ним, расшифровывать надписи на этикетках, по ходу дела размышляя о наилучшей смеси для вызывания комы.

Физиологический раствор для дилатации вен, тиопентал для анестезии и хлорид калия для снижения частоты сердцебиений...

С некоторых пор кое-какие штаты в Америке предпочитали этот метод цианиду или электрическому стулу для умерщвления приговоренных к смертной казни. Со своей же стороны я надеялся, что если побольше разбавить хлорид калия, то частота сердцебиений замедлится, но не до полной остановки сердца, в то же время позволяя медленный переход в кому, контролируемую, если возможно, головным мозгом.

И мной...

С помощью Рауля и трех кандидатов в танатонавты я соорудил довольно хитроумное устройство: небольшой штатив из пластика высотой сантиметров двадцать, на который я привесил вместительный бачок с физиологическим раствором, потом бачок поменьше с тиопенталом и, наконец, хлорид калия. Я приладил систему электрических таймеров к краникам на трубках, через которые каждое вещество начнет поступать в тот момент, который я сочту наиболее подходящим. Тиопентал станет подаваться через двадцать пять секунд после инъек-

ции физиологического раствора, а хлорид калия тремя минутами позже. Все будет вводиться посредством единой трубки с инъекционной иглой на конце.

Весь этот агрегат я окрестил «ракетоносителем». Танатонавт сам будет приводить его в действие через грушевидный электровыключатель, который запустит таймеры. Сам того не осознавая, я только что изобрел первую танатомашину для официального покорения страны мертвых. Думаю, сейчас этот «ракетоноситель» стоит в экспозиции Смитсоновского института в Вашингтоне.

Мой пыл и уверенность вдохновляли помощников. Рауль был прав. Каждой технической проблеме – техническое решение. Я лично особенно был доволен своим выключателем. Никакой вам прямой ответственности. Я не хотел стать палачом.

Заинтересованное лицо само решало, когда ему отправляться, и в случае провала это всего лишь было бы самоубийство.

Я обратился к Амандине с просьбой ввести иглу в вену Марселлина. Уверенным движением она ухватила танатонавта под локоть и вонзила здоровенную иглу, пролив при этом лишь капельку крови. Марселлин даже не поморщился.

Тут я вложил в его влажную ладонь грушу выключателя и пояснил:

– Когда нажмете вот на эту кнопку, включится электронасос.

Я чуть было не сказал «включится смерть».

Марселлин принял заинтересованный вид, будто я ему рассказывал про автомобильный двигатель.

– Ну как, порядок? – спросил его Рауль.

– Все путем. В нашего табиба я верю на все сто.

Я боролся с искушением воспользоваться этим диким моментом, заставившем даже Рауля нервничать.

– И что потом? – спросил Марселлин.

Он уставился на меня глазами наивного ребенка, уверенного в существовании Деда Мороза, глазами игрока, верящего, что он вот-вот сорвет банк.

Я замялся.

– Ну-у... это...

– Да не суетись ты так. Надо будет, симпровизируем.

И он залихватски мне подмигнул.

Смелый парень. Даже меня хотел ободрить. Зная, что там его ждут непреодолимые препятствия, он все же пытался снять с меня вину за ту беду, к которой все это могло привести. На мгновение я захотел ему сказать: «Бегите отсюда, пока еще не поздно!» Но Рауль, завидев мою нерешительность, тут же вмешался:

– Браво! Браво, Марселлин, отлично сказано!

Все зааплодировали, включая меня.

Чему мы аплодируем? Я не знаю. Может быть, моей «ракете на тот свет», может быть, храбрости Марселлина, а может быть, совершенно неуместной здесь красоте Амандины. Да-а, такой куклке только в манекенщицы. А ждет ее будущее «соучастника убийства».

– А засим мы приступаем к запуску души... – напыщенно произнес Рауль.

И затянулся сигареткой.

Марселлин расплылся в улыбке, как альпинист-дилетант, собравшийся покорить Эверест в своих новых городских туфлях. Он отдал нам честь, вовсе не напоминавшую последний жест приговоренного к смерти. Все мы ответили ему ободряющими улыбками.

– Ну, бон вояж!

Пока я с компьютера вносил последние поправки, Амандина запеленала нашего туриста в охлаждающую накидку.

– Готов?

– Готов!

Амандина включила видеокамеру на запись всей этой сцены. Марселлин перекрестился. Закрыв глаза, он начал медленный отсчет:

– Шесть... пять... четыре... три... два... один... Пуск!

И твердой рукой нажал на выключатель.

49. Мифология индейцев майя

«Индейцы майя считали, что смерть означает отправление в ад, называвшийся Митнал. Там демоны пытали душу холодом, голодом, жаждой и другими страданиями.

У майя существовало девять повелителей ночи, соответствовавших, несомненно, девяти подземным владениям ацтеков.

Душа покойника должна была пересечь пять рек, заполненных кровью, пылью и колючками. Достигнув затем перекрестка, она подвергалась испытаниям во дворце раскаленной золы, дворце ножей, дворце холода, дворце ягуаров и дворце вампиров».

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

50. Морскую свинку Марселлина любила нежно Амандина...

Все мы напряженно следили за экранами приборов. Сердце Марселлина, пусть слабо, но все еще билось. Его пульс упал гораздо ниже частоты сердцебиений человека, охваченного глубоким сном. Температура тела снизилась почти на четыре градуса.

– Сколько уже прошло? – спросил один из заключенных.

Амандина взглянула на часы. Я лично знал, что прошло больше получаса, как Марселлин совершил свой великий прыжок. Уже двадцать минут, как он находился в глубокой коме.

Лицо его напоминало спящего.

– Пусть все получится, пусть все получится! – словно заклинание твердили Хьюго с Клементом, два наших других танатонавта.

Я протянул было руку к Марселлину, чтобы на ощупь оценить состояние его организма, но Рауль меня остановил.

– Не трогай пока. Его нельзя слишком рано будить.

– Но как мы узнаем, что получилось?

– Если откроет глаза, то получилось, – рассудил начальник «Проекта Парадиз».

Каждые десять секунд раздавался мелодичный сигнал электрокардиографа, напоминая гидролокатор атомной подводной лодки, совершающей поход в неизмеримых глубинах. Тело Марселлина по-прежнему лежало на стоматологическом кресле. Но где могла находиться его душа?

51. Еще один

Более часа я отчаянно предпринимал попытки кардиомассажа. Как только перестал звучать электрокардиограф, воцарилась общая паника.

Амандина растирала руки и ноги Марселлина, пока Рауль прилаживал ему кислородную маску. Мы вместе отсчитывали «раз, два, три», и я обеими руками давил на грудную клетку в районе сердца. Рауль вдвух Марселлину воздух через ноздри, чтобы возбудить респираторную активность.

Электрошок ни к чему новому не привел, если не считать, что у него открылись глаза и рот. Глаза были пусты, рот обмякший.

Мы все обливались потом, борясь над инертным телом.

Я пытался подавить всплывающий в моей голове вопрос: «Чем это я здесь занимаюсь?» Но чем больше я видел, что должен объявить Марселлина мертвым, тем настойчивей звучал этот вопрос. «Чем это я здесь занимаюсь?»

Да, так чем же?

Я хотел оказаться где-нибудь в другом месте, заниматься чем-то другим. Никогда не принимать участие в этой операции.

Было уже слишком поздно, чтобы вернуть Марселлина к жизни. Слишком поздно, и мы все это знали, но отказывались принять. В особенности я. Что меня беспокоило, так это мое первое «убийство». Могу вас заверить, это все равно как распотрошить совершенно живого человека, который только что сказал вам «Привет!», и чуть позднее взирать на его недвижимое, словно засохшее дерево, тело!

Рауль выпрямился.

– Он уже слишком далеко, – яростно пробормотал он. – Он слишком далеко ушел, и его уже не оживить.

Амандина выбилась из сил, растирая Марселлина. Капли пота выступили на ее гладком лбу и, стекая вдоль симпатичных пятен пунцового румянца, скатывались, наконец, на скромную блузку. Ситуация была драматичная, и все же я осознавал, что это, пожалуй, самый эротичный момент за все мое существование. Что за вид! Эта великолепная молодая женщина борется со смертью голыми, сладкими руками! Эрос всегда бродит бок о бок с Танатосом! И тут я понял, откуда у меня появилось впечатление, что я уже давно знаком с Амандиной. Она не только напоминала Грейс Келли, но и ту самую сестру милосердия, что я увидел, очнувшись после того случая с машиной, в далеком детстве. Те же ангельские манеры, те же родинки, те же абрикосовые духи.

Человек только что умер, а я пялюсь на медсестру. На меня накатилась тошнота.

– Что будем делать с трупом? – воскликнул я.

Рауль ответил не сразу. С отчаянной надеждой он смотрел на Марселлина.

Потом, как бы опомнившись, он объяснил:

– Президент нас прикроет. В каждой тюрьме есть норма на самоубийства, четыре процента. Марселлин войдет в эту долю, вот и все.

– Это преступное безумие! – прокричал я. – Как мог я допустить эту жуткую авантюру? Ты меня обманул, Рауль, ты меня обманул, ты предал нашу дружбу, превратив ее в полоумие. Ты мне отвратителен, и все, что в тебе есть, мне отвратительно. Человек умер из-за твоей бессовестности. Ты обманул меня, и ты обманул его.

Рауль встал, весь воплощение достоинства, и вдруг схватил меня за ворот. Взгляд его пылал. Он зашипел, брызгая слюной мне в лицо.

– Нет, я тебя не обманул. Но цель столь колоссальна, что мы обязательно столкнемся с неудачей, прежде чем все получится. Рим не сразу строился. Мы больше не дети, Мишель. Это не игра. Мы должны заплатить высокую цену. Высокую, иначе слишком просто. А если бы это было просто, то уже кто-то сделал бы все раньше нас. Вот почему победа будет трудна.

Я слабо защищался.

– Если только победа вообще будет. Это мне кажется все более и более невероятным.

Рауль меня отпустил. Он взглянул на Марселлина, чей рот по-прежнему был широко открыт. Смотреть на это невозможно. Рауль вложил между зубами Марселлина винтовой зажим, закрепил и стал его затягивать, чтобы свести челюсти вместе. Закрыв этот обвиняющий рот, он обернулся к остальным.

– Может, вы тоже думаете, как Мишель? Если хотите бросить это дело, время еще есть.

Рауль взглянул в лицо каждому, ожидая реакции. Мы смотрели на тело Марселлина, и оно производило сильное впечатление, потому что из-за вставленного зажима его рот стал сейчас напоминать птичий клюв, затерявшийся между впалыми щеками.

– Все, я отказываюсь! – воскликнул Клемент. – Я верил доктору, да и все были в нем уверены, но он же просто не способен бороться со смертью. Если хотите убить десять тысяч несчастных парней, чтоб только у вас все получилось, то я предпочитаю не быть в их числе. Убеждать меня бесполезно. Обещаю никогда и никому не говорить о вашем «Проекте Парадиз». Мне страшно, очень страшно.

– А ты, Хьюго? – спросил Рауль ровным голосом.

– Я остаюсь! – яростно выкрикнул доброволец.

– Ты хочешь быть нашим следующим танатонавтом?

– Да. Лучше сдохнуть, чем возвращаться в камеру!

Подбородком он показал на труп Марселлина.

– Ему-то, по крайней мере, больше не надо сидеть в своей жалкой клетке.

– Очень хорошо, – сказал Рауль. – А ты, Амандина?

– Я остаюсь, – объявила она, не выказав при этом ни малейшей эмоции.

Я не верил своим ушам.

– Да вы же все спятили, честное слово! Климент прав. Вы рискуете убить десять тысяч людей ради самого незначительного результата. В любом случае на меня больше не рассчитывайте.

Я сорвал с себя белый халат и швырнул его на стеллаж, разбив при этом несколько бутылей. Комнату тут же заполнил запах эфира.

А затем я ушел, сильно хлопнув дверью.

52. Докладная записка

От кого: Бенуа Меркассер

Кому: Президенту Люсиндеру

Согласно Вашим указаниям, эксперименты начались. Научно-исследовательская группа состоит из профессора-биолога Рауля Разорбака, специалиста в области анабиоза сурков, и доктора Мишеля Пинсона, врача-анестезиолога, которым ассистирует медсестра Амандина Баллю.

Пять заключенных добровольно стали «подопытными кроликами». «Проект Парадиз» в действии.

53. Состояние души

Меня всего трясло, пока я возвращался домой. Очутившись один, я завыл, как волк на луну, но шок, вызванный смертью Марселлина, все не отпускал. Что делать? Продолжать – плохо. Оставить еще одного будущего танатонавта на верную гибель – опять же плохо. И я выл. Соседи стали половой щеткой колотить в стенку. Результата они добились. Я умолк, но так и не успокоился.

Меня раздирали противоречия. Я не мог согласиться с тем, что больше никогда не увижу Амандину. Но опять класть людей в кому я не испытывал никакого желания. Идеи Рауля меня зачаровывали. Но я отказывался брать на свою совесть новые трупы. Я не хотел больше жить в вечном одиночестве. Сама мысль вернуться к своей постылой работе в больнице мне была противна. По крайней мере, Рауль прав в одном: может быть, этот проект страшен, но какая же это грандиозная авантюра, какое приключение!

Он ненормален и одержим самоубийством своего отца. Но вот Амандина, что могло вынудить и это создание сесть за весла сей галеры? Может, она тоже убеждена, что станет первопроходцем нового мира? У Рауля язык ведь хорошо подвешен.

Я поглощал белый портвейн стакан за стаканом, пока не опьянел. Потом я попробовал сам себя усыпить, читая романы. Опять я один в своей кровати, и в довесок совесть отягощена смертью человека. Простынь была такой же ледяной, как и охлаждающая накидка танатонавта.

Следующим утром, когда я пил свой кофе со сливками в бистро, что на углу нашей улицы, я подумал: а что, если смерть Марселлина была вызвана чрезмерным количеством хлорида калия? Это высокотоксичное вещество, надо бы уменьшить дозу.

По крайней мере, это как раз задача для анестезиолога.

Обычно мы пользуемся тремя классами анестетиков. Наркотики, морфины и кураре. По привычке я предпочитал наркотики. Но для «облегченной смерти», пожалуй, может лучше взять кураре?

Хм-м. Нет. Я продолжу с наркотиками.

Понемногу я уходил с головой в чисто технические проблемы. Мои профессиональные рефлексы срабатывали автоматически. В памяти всплывал университетский курс химии.

«Хм-м. Может, мне следовало использовать пропофол? – сказал я сам себе. – Это новый наркотик, с улучшенными характеристиками. Как правило, пробуждение наступает через пять минут, это уже ясно доказано... Нет, пропофол, конечно же, плохо сочетается с хлоридом. Значит, придется все же остановиться на тиопентале. Да, но в каком количестве? Обычно считается, что надо пять миллиграмм на кило веса. Пять миллиграмм – минимальная доза, десять – максимальная. Я дал Марселлину 850 миллиграмм, а он весил 85 кило. Может, снизить дозу...»

В 14 часов я позвонил Раулю. В 16 мы все заново встретились на нашем танатодроме Флери-Мерожи. Как и раньше, заключенные осыпали нас потоком оскорблений. Бесплезно было их убеждать, что Марселлин добровольно покончил с собой. По пути мы пересеклись с директором тюрьмы, который не только не сказал ни слова, но даже и не взглянул в нашу сторону.

Напротив, Хьюго приветствовал нас добродушно.

– Не беспокойтесь, доктор, мы туда доберемся!

Да ведь не о себе же я беспокоился, а о нем...

Я уменьшил дозы. 600 миллиграммов для Хьюго, который весил 80 кг. Должно хватить.

Рауль следил за малейшими моими манипуляциями. Подозреваю, что он хотел научиться все делать сам на случай, если я совсем откажусь с ним работать.

Амандина протянула Хьюго стакан свежей, прохладной воды.

– Последняя выпивка приговоренного? – иронически обронил тот.

– Нет, – ответила она совершенно серьезно.

Танатонавт лег на стоматологическое кресло. Мы приступили к формальностям: наложение датчиков, измерение пульса, температуры, а вот и накидка появилась.

– Готов?

– Готов.

– Готова! – добавила и Амандина, помахивая видеокамерой.

Хьюго пробормотал молитву. Потом он широко перекрестился и тут же начал отсчет, будто хотел как можно быстрее со всем этим покончить:

– Шесть, четыре, пять, три, два, один, пуск!

И состроив гримасу, словно проглотил горькую пилюлю, он нажал на выключатель.

54. Мифология Японии

Страну мертвых японцы называют Ёми. Рассказывают, что бог Идзанаги однажды отправился туда в поисках Идзанами, своей сестры, которая к тому же была ему женой. Когда он ее там встретил, то стал упрашивать вернуться в мир живых. «О мой муж, почему ты пришел так поздно? – ответила Идзанами. – Я вкусила пищу, приготовленную в печи богов страны Ёми, и с тех пор принадлежу им. И все же я хочу попытаться их убедить, чтобы они меня освободили. Тем временем подожди и ни в коем случае не смотри на меня».

Но Идзанаги решил-таки взглянуть на свою сестру-супругу. Нарушая запрет, он взял свой гребень и с его помощью извлек изо рта зуб и превратил его в пылающий факел. И после этого он сумел разглядеть Идзанами. Ее глодали черви, чей образ приняли восемь богов грома. Охваченный страхом, он бросился прочь, думая, что совершил ошибку, оказавшись в этом месте ужаса и тлена. Разгневанная тем, что он ее покинул, Идзанами объявила себя оскорбленной. Она послала жутких гарпий вдогонку за Идзанаги, но тот сумел от них убежать.

Тогда Идзанами ринулась за ним сама. Идзанаги устроил ей ловушку в одной из пещер. В тот момент, когда оба божества стали произносить формулу развода, Идзанами воскликнула: «Каждый день я буду хватать по тысяче людей твоей страны, как плату за твое предательство». «А я каждый день буду рождать по полторы тысячи», – ответил ей Идзанаги, ничуть не смутившись.

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

55. Еще десяток

Хьюго так и не вернулся. Он остался на полпути между континентом мертвых и миром живых. Умереть он не умер, но оказался в запредельной коме, с остановившимся взглядом, почти совершенно плоской энцефалограммой и редкими пиками на ЭКГ. Он превратился в «овощ», как говорят медики. Его сердце и мозг работали, в этом сомнения не было, но он больше не мог ни двигаться, ни говорить.

Я добился, чтобы его приняли в службу сопровождения умирающих нашей больницы. Ему отвели специальную палату. Много лет спустя Хьюго перевезли со всеми предосторожностями в Смитсоновский институт в Вашингтоне, в раздел Музея смерти. Каждый может видеть, что происходит с теми, кто застрянет между обоими мирами.

Когда я размышляю об этой второй попытке запуска, мне кажется, что она вполне могла получиться. В любом случае этот эксперимент оказался очень ценным, потому что позволил мне определить разумную вилку дозировки тиопентала и хлорида калия.

Как бы то ни было, мы порастратили своих пятерых «морских свинок». Три смерти, дезертир и один «овощ». Славный баланс подбили, нечего сказать!

Рауль немедленно предпринял атаку на Меркассьера, чтобы нам дали новые объекты для исследований. Министр во второй раз получил «добро» от президента Люсиндера. Вновь начался безжалостный отбор. Мы хотели тех, кто был осужден на пожизненное заключение, а они, в свою очередь, должны были стремиться покинуть тюрьму. Допускалось, что они могут испытывать желание покончить с собой, но не слишком сильное. Нам нужны были люди в здравом уме, не наркоманы, не алкоголики.

В особенности важно было вот что. От них категорически требовалось иметь хорошее здоровье, чтобы выдержать хлорид калия. Чтобы умереть в добром здравии, это же очевидно.

Нельзя сказать, что совершенно случайно в один прекрасный день перед нами предстал громила Мартинес, вожак хулиганской шайки, напавшей на нас как-то при выходе из лицея.

Он нас ничуть не узнал. Я вспомнил высказывание Лао-цзы: «Если тебя кто-то обидит, не ищи мести. Просто сядь на берегу реки, и скоро мимо тебя проплывет его труп».

Мартинес очутился в тюрьме из-за темной истории, связанной с попыткой ограбления. Поскольку к тому времени он довольно-таки растолстел, то уже не мог бегать так же быстро, как и его сообщники. Боксировал он хорошо, но на ноги был слабоват. Тот полицейский, что загнал задыхающегося Мартинеса в угол, надо полагать, был спортсменом получше. Увы, два человека погибли из-за этого ограбления. Суд не признал каких бы то ни было смягчающих обстоятельств. Пожизненный приговор.

Мартинес с блеском прошел отборочные испытания в отряд танатонавтов. Он даже выглядел очень заинтересованным принять участие в эксперименте, который мог сделать его знаменитостью. Он верил в свою звезду, позволившую ему пережить наши манипуляции, сами по себе достаточно опасные.

– Вы знаете, господа врачи, – хвастался Мартинес, – меня ничем не испугаешь!

Я вспомнил, что действительно, когда он со своими приспешниками оказался вшестером против нас двоих, он ничуть не боялся моих слабых кулаков.

Рауль объявил, что ничего не имеет против Мартинеса и что считает его очень даже подходящей «морской свинкой». Я же, со своей стороны, предпочел бы удалить его из нашего списка кандидатов. Я слишком хорошо помнил его удары, чтобы верить самому себе, что не допущу ошибки при дозировке. Так просто он бы от меня не ушел. Не в силах более сдерживаться, я его вычеркнул.

Гангстер стал орать, что мы не принимаем никого, кроме идиотов, и что не даем ему шанса стать богатым и знаменитым. Потом он принялся за оскорбления.

Хорошо еще, что он нас не узнал! А то вполне мог бы накатать жалобу, что мы, дескать, с ним сводим счеты!

Словом, Мартинес больше не фигурировал среди нашей следующей пятерки «морских свинок». Точнее, должен вам сказать, среди нашей следующей пятерки умерших. Смерть больше меня не задевала. Я испытывал чувство, будто запускаю петарды в небо. Если они взрывались при старте, надо вносить необходимые поправки, чтобы зажечь-таки фейерверк, увенчанный успехом.

Третья серия «подопытных кроликов». И среди них один по имени Марк.

Датчики, замер пульса и температуры, охлаждающая накидка. Рауль кричит:

– Готовы?

Мы хором отвечаем:

– Готов!

– Готова!

Будем надеяться, что наш парень не умрет от страха. Его то бросало в пот, то колотила дрожь. Он даже не остановился перекреститься.

– Шесть... пять... четыре... три... два... один с половиной... один с четвертью... один... п-п... п-пуск? Ладно, п-пуууууск! – не вполне уверенно проговорил он.

И дважды нажал на выключатель блестящим от пота пальцем.

56. Мифология Месопотамии

В мифологии Месопотамии страна мертвых именуется «страной, откуда не возвращаются». Песнь:

*Не видят более света
Те, что туда проникают.
Пыль да земля с золою —*

*Вот что там их питает.
Как птицы они одеты,
Прахом покрыто все:
Двери, замки, засовы...
Больше здесь нет ничего.*

Однажды прекрасная Иштар, богиня Любви, спустилась в ад. Согласно древним обычаям, Эрешкигаль, царица ада, приказала одному из охранников ее встретить. Всякий раз, когда Иштар проходила сквозь одно из семи ворот, ведущих в ад, она скидывала с себя что-то из своего одеяния: сначала платье и корону, потом серьги, ожерелье, монисто, пояс, браслеты, кольца и, наконец, рубашку. Обнаженной Иштар предстала перед Эрешкигаль, которая подвергла разные части ее тела шестидесяти пыткам.

И все же именно людям пришлось испытать на себе последствия заточения Иштар, потому что без нее земля больше не родила. Песнь:

*С тех пор как богиня Иштар
Спустилась в страну без возврата,
Быки потеряли всю силу,
Мужья позабыли о женах.*

К Эрешкигаль люди направили посла. Когда тот попросил, чтобы Иштар разрешили отпить из меха, где хранилась живая вода, царица его прокляла. Песнь:

*Отныне жижга гнилая
Становится пищей твоею,
Останешься жить на пороге,
В тени земляного вала.
И пьяницы будут хлестать
Тебя по заплаканным щекам.*

Похоже, что посла отправили в ад, чтобы обменять на Иштар. Этим путем люди хотели вернуть плодородие. И действительно, через какое-то время Эрешкигаль приказала обрызгать Иштар живой водой и затем отвести обратно. Пока та проходила по очереди через семь ворот, ей возвращали ее вещи. Вот как получилось, что на земле все вернулось на круги своя.

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

57. Ошибка эксперимента

Растирания. Искусственное дыхание. Электрошок.

Марк открыл глаза, а мы, в свою очередь, уставились на него.

Неужели наконец-то получилось?

Наш герой вывел нас из состояния ступора, одним прыжком вылетев из кресла и в диком возбуждении принявшись крушить все вокруг себя, издавая при этом жуткие вопли.

– Видел, я их видел! Они там! От них не убежать, они везде!

– Кто? Да кто же? – потребовал Рауль своим самым твердым голосом.

– Черти! Всюду черти, хотят меня сварить в огромном котле! Я не хочу умирать! Не хочу их больше видеть! Никогда, ни за что!

Он впился в меня тусклыми зрачками и зашипел:

– И ты, ты тоже черт. Одни черти кругом.

И швырнул в меня бутылью с химикатами. Потом, схватив охапку шприцев, стал гоняться за Амандиной и один воткнул ей в ягодицу. Когда я попытался его перехватить, Марк рассек мне лоб ланцетом. У меня до сих пор шрам.

Такое поведение несколько охладило наш энтузиазм. Сначала «овош», теперь сумасшедший! Марк даже на Рауля произвел впечатление. И в то же время мы не переставали друг друга спрашивать: «А что, если и вправду получилось? Что, если Марк действительно принес нам свидетельства с того света? Не его вина, что он не запомнил ничего, кроме ужаса».

Тем не менее видеопленку мы не уничтожили, а Марка отправили в психиатрическую больницу. Все же он был нашим первым «кроликом», пережившим NDE. Может, у него не осталось никаких воспоминаний о светящихся туннелях, но он, по крайней мере, целехоньким вернулся в свое тело, если не считать потери рассудка.

В тот вечер я отвез Амандину в своей машине. Она то скрещивала свои красивые ноги, то опять садилась прямо. Ее рана на ягодице оказалась незначительной. Мне же потребовалось наложить на лоб двадцать пять стежков.

Черное платье Амандины – она всегда одевалась в черное – шуршало самым чувственным образом.

Пережив столь динамичный спектакль, она не испытывала никакого желания возвращаться домой на электричке, и кроме того, ни я, ни она после всего этого не хотели провести вечер в одиночку.

Ведя машину, я пробормотал:

– Может, остановимся на этом?

Амандина и ее вечное молчание. Я всегда себе говорил: «Раз она такая красивая и совсем не разговаривает, должно быть, она думает о разных замечательных вещах». Но сегодня ее молчания мне было недостаточно. Она же не была декорацией. Как и я, она видела этих людей – умерших или неожиданно сошедших с ума.

Я настаивал:

– Сколько бессмысленных смертей! И все ради жалкого результата... Вы сами-то о чем думаете? С тех пор как мы познакомились, я ни разу не слышал от вас фразы длиннее двух-трех слов. Мы работаем вместе. Нам надо поговорить. Нужно, чтобы вы помогли мне остановить Рауля. Все это длится уже достаточно долго. Без вас мне никогда не удастся его убедить.

В конце концов она снизошла до того, чтобы на меня взглянуть. Смотрела она на меня долго, не мигая. Приоткрылся рот. Наконец-то она собралась что-то сказать.

– Напротив.

– Где напротив?

– Напротив, мы должны продолжать. Просто для того, чтобы все эти смерти не оказались напрасны. Наши танатонавты знают, чем рискуют. Они знают, что их смерть даст следующему чуть больше шансов преуспеть.

– Да это как партия в покер, блеф за блефом, чтоб потом махом покрыть все потери! – воскликнул я. – А еще это верная дорога продуть все до нитки. Пятнадцать жертв! Не научный проект, а игра в убийство, вот так вот!

– Мы первопроходцы, пионеры, – парировала она ледяным тоном.

– На этот счет у меня поговорочка есть: «Как узнать, кто настоящий пионер? Это тот, кто валяется в прерии со стрелой в спине».

Она еще больше раздражилась:

– Вы что, думаете, все эти смерти меня не волнуют? Все наши танатонавты – это были замечательные люди, такие храбрые...

Голос ее дрожал. Но это был первый раз, когда она произнесла два предложения подряд. Я принялся ее провоцировать:

– Это не смелость, это склонность к самоубийству.

– Склонность к самоубийству! А Христофор Колумб не был законченным самоубийцей, отправившись на край света в скорлупке? А Юрий Гагарин, со своей жестяной бочкой на ракете? Он не был самоубийцей? Без таких людей мир никогда бы не развивался...

Ага! Галилей, Колумб, а сейчас вот еще и Гагарин. Сколько хочешь прецедентов для оправдания массовых убийств!

Амандина все еще горячилась и упорно называла меня на «вы».

– Я считаю, что вы ничего не понимаете, доктор Пинсон. Вы не находите странным, что у нас столько добровольцев? Все заключенные знают о наших неудачах, так почему же они к нам идут? А я вам скажу почему: потому что на нашем танатодроме эти отверженные чувствуют, что превращаются в героев!

– В таком случае отчего же другие заключенные обзываются?

– Парадокс. Они желают нам смерти за гибель своих друзей, но и сами готовы к смерти. Когда-нибудь у одного из них все получится, я в этом убеждена.

Все в Амандине меня привлекало. Ее холодность, ее молчание, ее таинственность, а сейчас вот ее горячность...

Эта блондинка в черном, сидящая в моей машине, была словно сверкающий огонь, сводящий меня с ума. Может, как раз из-за частых встреч со смертью мои жизненные порывы были так обострены! Впервые я оказался один на один с Амандиной, Амандиной взволнованной, Амандиной эмоциональной. Я решил идти ва-банк. Такого случая больше не представится. Машину подбросило на каком-то бугорке, моя рука соскользнула с рычага коробки передач и совершенно случайно оказалась на ее коленке. Кожа ее была как шелк и невероятно нежной.

Она оттолкнула мою руку, словно это была какая-то гадость.

– Сожалею, Мишель, но вы, честное слово, совершенно не мой тип.

Какой же он, интересно, этот твой тип?

58. Опять впустую

В четверг, 25 августа, министр науки инкогнито посетил наш танатодром Флери-Мерожи. Бенуа Меркассьер хотел лично поприсутствовать при «запуске». На лице министра читалась озабоченность человека, пытающего себя вопросом, не заманили ли его поучаствовать в идиотизме столетия. И если так, есть ли еще время хоть что-то исправить, пока не вызвали держать ответ?

Он пожал мне руку, пробормотал не вполне убедительные приветствия и с утрированным оживлением принялся ободрять новую пятерку наших танатонавтов. Осторожно он осведомился у Рауля о числе наших неудач и подскочил на месте, когда тот на ушко выдал ему цифры.

После этого он подошел ко мне и отвел подальше, в самый угол комнаты:

– Может быть, ваши «ракетоносители» слишком токсичные?

– Нет. Я тоже так считал поначалу. Но проблема не в этом.

– А в чем же?

– Да понимаете, после всех этих опытов у меня такое впечатление, что, когда человек оказывается в коме, у него появляется... как бы это сказать... появляется выбор, что ли. Уйти или вернуться. И они все предпочли уйти.

Меркассьер наморщил лоб.

– В таком случае, можете ли вы их вернуть силой, к примеру более мощными электро-разрядами? Знаете, когда президента спасали, так не остановились ни перед чем. Вставили электроды прямо в сердце!

Я задумался. Сейчас мы говорили, как два ученых, испытывавших взаимное уважение. Я взвесил слова.

– Не так все просто. Надо определить точный момент, когда человек ушел «достаточно далеко», но не «слишком». Это проблема хронометрии. С Люсиндером повезло, они, должно быть, вытащили его в ту самую секунду, когда все еще было возможно. Безусловно, по чистой случайности.

Министр попытался выглядеть образованным даже в той области, где он, по сути дела, ничего не понимал.

– Пусть даже так. Попробуйте тогда изменить напряжение, уменьшить количество наркотика, снизить дозу хлорида калия. Может быть, начать их оживлять пораньше.

Мы все это уже перепробовали, но я покивал головой, словно он только что открыл мне магический секрет. В то же время я не хотел его вводить в заблуждение и поэтому добавил:

– Нужно, чтобы они добровольно выбрали возвращение, пока у них есть такая возможность. Видите ли, я много над этим размышлял. Никто и понятия не имеет, что заставляет их продолжать идти дорогой смерти. Что такое им сулят на том свете? Узнать бы про ту морковку, тогда мы могли бы предложить что-нибудь попривлекательнее!

– Ваши танатонавты напоминают мне моряков XVI столетия, которые предпочли остаться на райских островах Тихого океана в окружении красивейших женщин и благоухающих фруктов, вместо того чтобы с огромными трудностями плыть обратно, в свою родную Европу!

Действительно, ситуация во многом напоминала, к примеру, историю про мятеж на паруснике «Баунти». Наши танатонавты были такими же узниками, как и моряки той эпохи, и с такой же жадностью стремились укрыться в новых землях.

– Как сдержат смерть? – задумчиво спросил Меркассер. – Что заставляет людей с ней бороться, что движет больными, когда они хотят выздороветь?

– Вкус к счастью, – вздохнул я.

– Да, но что делает их счастливыми? Как повлиять на ваших людей, когда они сталкиваются с дилеммой: «уйти или вернуться»? Стимулы ведь так разнообразны!

Я уже давно заметил в нашей больнице, что воля человека играет самую важную роль при спонтанном выздоровлении. Некоторые люди просто отказываются умирать и потому остаются жить. В одном из исследований, проведенном среди китайцев, живущих в Лос-Анджелесе, я прочитал, что показатель смертности падал практически до нуля в день их великого новогодне-го карнавала. Старики и умирающие словно «программировали» самих себя, что должны еще пожить и вновь порадоваться празднику. На следующий день число смертей возвращалось к обычному уровню.

Возможности человеческой психики безграничны. Я сам развлекался тем, что развивал у себя способность просыпаться в восемь утра без будильника. Получалось без осечки. Я также знал, что в закоулках моего мозга скопилось огромное количество информации и что мне осталось только научиться открывать эти «ящички» в голове, чтобы получить к ней доступ. Наверное, имелось множество исследователей, увлеченно работающих над самопрограммированием собственной нервной системы.

Так почему бы не вернуться из комы за счет одной только силы воли?

Как бы то ни было, но в тот день танатонавт не сделал ставку на возвращение. Завидев его конвульсии в момент смерти, четыре его товарища хором отказались от дальнейшего участия. Мы решили, что в будущем уже не будем рассчитывать на эффект коллективной конкуренции. С этого момента наши пионеры-первопроходцы станут стартовать поодиночке. Но, может быть, уже слишком поздно? Даже в тюрьме Флери-Мерожи нам стало все труднее и труднее находить добровольцев.

59. Тибетская мифология

Согласно жителям Тибета, буддистский пантеон населен девятью группами демонических созданий:

1. *Год-сбин*: Храмовая стража. Источники великих эпидемий.
 2. *Бдуд*: Демоны высших сфер. Могут принимать облик рыб, птиц, трав и камней. Их начальник обитает в черном десятиэтажном замке.
 3. *Срин-по*: Великаны-людоеды.
 4. *Клу*: Адские божества в облики змей.
 5. *Бцан*: Боги, живущие в небесах, лесах, горах и ледниках.
 6. *Лха*: Небесные божества белого цвета. Благожелательны. Предположительно, живут на плечах у всех и каждого.
 7. *Дму*: Злонамеренные демоны.
 8. *Дре*: Посланцы смерти, зачастую ответственны за смертельные болезни. Все зло, от которого страдают люди, вызвано по воле демонов Дре.
 9. *Ган-дре*: Группа божеств с больным чувством юмора.
- Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»*

60. Феликс Кербоз

Если говорить начистоту, Феликса Кербоза никто бы не захотел к себе в соседи. Имелись, правда, и кое-какие смягчающие обстоятельства.

Начнем с того, что он был нежеланным ребенком. Когда журнал защиты интересов потребителей «Тестируем для вас» обнаружил, что презервативы, которыми пользовался его отец, были надежны только на 96 %, у Феликса не осталось никаких сомнений, что он оказался жертвой 4 %-го дефекта. Не говоря уже про отца. Сам факт, что тот уже тридцать пять лет как отсутствовал, выйдя из дома купить сигареты, лишний раз подтверждает, сколь сильно на папашу подействовало это предательство.

Сюзетт, его мать, немедленно попыталась сделать аборт, но Феликс, хоть и был в ту пору лишь зародышем, уже вцепился в жизнь, словно блоха в собаку. Неоднократные попытки подпольных гинекологов привели лишь к тому, что лицо еще не родившегося младенца оказалось обезображено.

Затем мать дважды пыталась его утопить. Под предлогом, что надо смыть шампунь, она сунула его с головой прямо в заполненную ванну. Но она плохо рассчитала и Феликс сумел очень быстро выкарабкаться наружу. Позднее она толкнула в реку своего едва научившегося стоять ребенка. Однако Феликс уже приобрел навык выбираться из трудных ситуаций. Он чуть было не угодил под винты сухогруза, отделавшись только шрамом на щеке, и смог добраться до берега, ухватившись за зонтик, которым его неуклюже колошматила по голове мать.

Все свое детство Феликс Кербоз спрашивал себя, почему на него так все смотрят. Потому что он уродлив? Или завидуют, что у него такая замечательная мама?

Он долго сдерживался, но, когда Сюзетт умерла, Феликс взорвался. Он обнаружил, что потерял единственного человека, которого он любил на всей планете. Сейчас у него осталась только ненависть.

Поначалу она проявилась в форме регулярных атак на шины ни в чем не повинных автомобилей, которые он кромсал своим ножом. Но облегчения не было. Затем он связался с бандитами и принялся рэкетирировать богатеньких сынков, причем у этих счастливицков еще имелись и живые мамы! Трех из них, что артачились платить, он убил, и так стал исполнителем самой грязной работы. Но когда, к восемнадцати годам, его дружки стали проявлять опреде-

ленный интерес к противоположному полу, Феликс отказался участвовать в изнасилованиях. Что его возбуждало, так это свалиться как снег на голову на какого-нибудь буржуа и засадить ему в бок перышко. Этим манером он мстил за свою любимую мать, которая все жилы надорвала, чтоб его вырастить.

Оказавшись в возрасте двадцати пяти лет перед судом присяжных, он не смог убедить их в том неизъяснимом наслаждении, которое испытываешь, когда твой длинный и острый как бритва нож входит в мягкое подбрюшие ближнего твоего. Страсть Феликса к изящным манипуляциям с кинжалом что-то не доходила до судей. По требованию прокурора его осудили на двести восемьдесят четыре года, с возможностью снижения срока до двухсот пятидесяти шести лет при условии образцового поведения. Защитник Феликса объяснил ему, что этот приговор равносителен пожизненному заключению, «если только прогресс медицины не удлинит среднюю продолжительность жизни человека, ныне составляющую девяносто лет».

Работа с утра до ночи на фабрике по выпуску половых щеток из свиной щетины не скрашивала жизнь заключенного. Феликс решил законным образом выйти из тюрьмы. Его хорошее поведение уже сократило срок до двухсот пятидесяти шести лет. Как этот процесс ускорить?

Директор тюрьмы нехваткой идей не страдал. В наши дни продается и покупается все. Это и есть современное общество. Увы, если не считать излишка лет своего срока, Кербозу «покупать» было не на что.

– Откуда ж у меня деньги? – заволновался несчастный.

– Да кто говорит о деньгах? С таким здоровьем, как у тебя! Это же отличный капитал!

И началась адская бухгалтерия.

Чтобы скостить срок, Феликс стал испытывать на себе фармацевтические препараты, которые еще не получили разрешения, поскольку никто не знал их побочных эффектов.

С тех пор как под давлением друзей «братьев наших меньших» эксперименты на животных были запрещены, промышленности не осталось ничего другого, кроме как обратиться к заключенным.

Феликс «зачел» себе три года, испытав сердечный дефибриллятор, подаривший ему аритмию и бессонницу. Раствор для полоскания зубов со слишком большой концентрацией фтора испортил печень (пять лет зачета). После особо сильного мыла слезла кожа с суставов (три года). Сверхактивный аспирин вызвал язву желудка (десять лет). На редкость едкий лосьон оставил только половину волос на голове (четыре года). Феликс Кербоз усвоил, в чем тут мораль, и временами даже удивлялся, что некоторые продукты почему-то оказывались безвредными!

Когда случился мятеж, он со своими кулаками встал на сторону охраны (десять лет зачета). Он сдал администрации торговцев наркотиками, которые безжалостной рукой правили заключенными (три года зачета ценой ненависти со стороны тех, кто стал испытывать ломку).

– Феликс, ты чего это все время на полусогнутых?

– Отвали. Чё хочу, то верчу. Задумка одна есть. Я отсюда выйду, понял?

– Ну-ну. Пожри еще свою химию, и тебя отседова на руках понесут. Ногами вперед.

Каждую субботу Феликс сдавал кровь (неделя зачета за четверть литра). По четвергам он выкуривал десять пачек папирос без фильтра по заказу Минздрава, изучавшего вредные свойства табака (день зачета за каждую пачку). По понедельникам и вторникам он проходил испытания в сурдокамере. В этой совершенно белой, полностью изолированной от шума комнате он в неподвижности проводил целый день, без еды и питья. Вечером приходили люди в белых халатах и выясняли, в какой момент испытуемый потерял сознание.

Так, страдание за страданием, Феликсу удалось сократить срок до ста сорока восьми лет. У него осталась только одна работающая почка. Какой-то противовоспалительный препарат с особо извращенными свойствами сделал его глухим на левое ухо. Он беспрестанно шурился

благодаря контактными линзам, столь мягким и липучим, что их нельзя было снять. Ничуть не обескураженный, он продолжал верить, что однажды отсюда выйдет.

Когда директор сказал ему про «Проект Парадиз», суливший двадцать восемь лет зачета, Феликсу ни на секунду не пришлось в голову потребовать более полной информации. Никто и никогда не делал ему раньше столь замечательного подарка.

Разумеется, по тюрьме ходили слухи, что уже порядка сотни заключенных потеряли свою кожу в том подвале, где ставили эксперименты. Феликса это нисколько не заботило. После всего, что ему пришлось проглотить и при этом не лопнуть, Феликс был уверен в своей счастливой звезде. Другим просто не повезло, и все дела! В конце концов, на нет и суда нет, а за двадцать восемь лет зачета от тебя потребуют попотеть, уж будьте покойны!

Он поудобнее устроился в стоматологическом кресле, пошевелил плечами, привыкая к электродам, и потуже подоткнул под себя охлаждающую накидку.

– Готов?

– А как же, я к вашим услугам, – ответил Кербоз.

– Готов.

– Готова!

Ни молитвы, ни осенения крестом, ни скрещенных пальцев. Феликс довольствовался куском жевательного табака, который всегда носил за правой щекой. В любом случае он ни черта не смыслит в этой научной фигне, и ему вообще на все наплевать. Лучше подумаем о той премии, что нас ждет. Двадцать восемь лет зачета!

Как ему и было приказано, он стал медленно отсчитывать:

– Шесть... пять... четыре... три... два... один... пуск.

И с невинным видом нажал на выключатель.

61. Мифология индейцев чиппева

«Индейцы племени чиппева, живущие в штате Висконсин рядом с озером Верхним, считают, что после смерти жизнь продолжается точно так же, как и раньше, без конца или каких бы то ни было изменений. Это всегда один и тот же повторяющийся фильм, без цели, морали или смысла».

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

62. Полицейское досье

Репорт в компетентные органы

Рауль Разорбак, с помощью группы ученых, в настоящее время занимается экспериментами над смертью. Число жертв уже превысило сотню человек. Требуется ли принять меры?

Ответ компетентных органов

Нет. Еще нет.

63. Новая попытка

Мы с Раулем и Амандиной использовали привычную, отработанную методику посткоматозного пробуждения. Но я в нее уже по-настоящему не верил. Один только Рауль внимательно смотрел на тело танатонавта и словно заклинание повторял: «Проснись, прошу тебя, проснись».

Мы предпринимали реанимирующие манипуляции, отсутствующим взглядом просматривали ЭКГ и ЭЭГ.

– Проснись, проснись! – читал свои псалмы Рауль.

Машинально я выполнял все необходимые процедуры.

Потребовался громкий вопль, чтобы вывести меня из этой апатии.

– Палец! Он пальцем дернул! – закричал Рауль. – А ну все сюда! Он шевелится!

Я не хотел поддаваться напрасным иллюзиям, но все-таки придвинулся.

Внезапно пискнул электрокардиограф. Поначалу крошечный такой писк. Потом еще один, потом еще. И наконец, уверенно: *пинь, пинь, пинь*. Опять шевельнулся один палец. А за ним и другие.

Там, на кресле, после ладони пробудилась рука, за ней плечо. Только бы не еще один полоумный! Впрочем, решив подготовиться на случай нового злоключения в уже известном нам духе, я теперь таскал с собой резиновую дубинку.

Задрожали веки. Приоткрылись глаза. Рот исказился в гримасе, которая затем превратилась в улыбку. *Пинь, пинь, пинь* – мозг и сердце вновь вышли на свой нормальный ритм.

Наш подопытный кролик не напоминал ни «овощ», ни безумца.

Он здоров, как телом, так и духом. Танатонавт вернулся на танатодром в полном здравии, душевном и телесном!!!

– Айяаааааааааааааааааа! Вышло! Вышло! – вопил Рауль.

Весь ангар дрожал от радостных криков. Мы втроем обнимались, как ненормальные.

Разумеется, первым в себя пришел Рауль.

– Ну? ну? как? – потребовал он, склонившись над Феликсом.

Мы замерли в жадном нетерпении услышать первое слово от нашего чрезвычайного и полномочного путешественника. Каким бы оно ни было, это первое слово, этот человек, вероятно, войдет в учебники истории, ведь он первый, кто совершил успешную поездку в страну мертвых и обратно.

В помещении воцарилась тишина. Мы так ждали этого момента. Вплоть до сего часа – сплошные неудачи, а этот маньяк с походкой питекантропа все тянул и тянул с ответом, получить который мир мечтал целую вечность.

Он открыл рот. Вот, вот сейчас он скажет. Нет, опять захлопнул. Потом рот вновь открылся. Вторая попытка. Феликс сощурил глаза и с трудом, ржавым голосом, выдавил:

– А-а... блин.

В изумлении мы на него уставились. Он потер себе лоб.

– Ну, блин, во дают!

Затем он уперся в нас взглядом, будто его раздражало такое к себе внимание.

– Ну что, дали мне двадцать восемь лет зачету?

Мы хотели тряхнуть нашего пациента и орать поздравления, но вовремя вспомнили, что тому еще надо прийти в себя. Рауль все же настоял на своем:

— Как... там?

Феликс потер себе запястья и прищурил глаз.

— Да как вам сказать... Ну вылез я, значит, из кожи. Поначалу-то я чуть не наложил. Стал ну прям как твоя птичка. Блин! Летаю, значит, над собой... Ну! Поднялся вверх, а там все эти... мертвяки свежие, тоже летают. И такие рожи, главное! Мы полетали немного, а потом смотрю, попали в круг, а он аж весь светится. Я такой по ящику видел, там еще тигров через них пускают.

Он перевел дыхание. Мы жадно ловили каждое его слово. Польщенный таким вниманием, он продолжил:

– Ваще, не поверишь! Он навроде карманного фонарика. Неоновый круг такой, а внутри свет, и этот свет как бы меня тянет. Говорит, иди, мол, сюда. Ну я и пошел. Раз, и попал в огненный круг, как тигр в цирке. И пошел на фонарик...

Рауль не смог удержаться, чтобы не прервать:

– На свет в центре, в огненном круге?

– Оно самое. Как в мишень. Не знаю, я говорил, у меня это все прямо в башке звучало.

Он мне – давай, мол, еще ближе. Что все будет хорошо.

– И вы туда пошли? – страстно спросила Амандина.

– Ну да. И я там вижу, это типа как воронка, а в ней всякие штуковины вертятся.

– Какие штуковины?

– Да разные, какие! Звезды там, пар, струи какие-то странные, вертятся в этой воронке.

А она здоровая такая, хоть ты туда тыщу домов запихай.

Рауль шлепнул кулаком по ладони.

– Континент мертвых! – воскликнул он. – Он видел континент мертвых!

– Продолжайте, прошу вас, пожалуйста, – взмолился я.

– Ну вот, я туда ближе, потом еще ближе, а потом чую, еще малость, и я уже не вернусь.

Ну-у, думаю, и на фига я тогда срок скашивал! А свет твердит в башке, что, дескать, это все неважно, что на земле одна суета... Эх! И здоров же он говорить! И тут я чувствую, будто попал в пещеру Али-Бабы, а там полно сокровищ, только не золото-серебро, а всякие приятные ощущения. Хорошо так, тепло, сладко, мягко. Как маму нашел. Это самое... водички бы стаканчик, а? Во рту все пересохло.

Амандина пошла за стаканом. Он осушил его одним глотком и продолжил:

– Я ничего не мог поделывать, только вперед идти. Блин! Но там вижу, вроде как стенка прозрачная. Не кирпичная, а мягкая, как ж...па. Я так и подумал: я в прозрачной ж... пе. Ну, думаю, так дело не пойдет. Ежели я ее пересеку, стенку эту, то назад уже не вернусь и прости-прощай мои двадцать восемь лет зачету. Тут я по тормозам.

Вот, пожалуйста, этот тип решил мою проблему «выбора». Он нашел причину остаться жить. Я бы не вернулся.

Феликс вздохнул:

– Это, знаете, нелегко. Сам с собой боролся, чтоб развернуться на сто восемьдесят, вместе с душой-то. А потом вдруг какая-то длинная веревка, белая вроде серебра, меня сюда – раз! И тут уж я гляделки открыл.

Мы втроем – я, Рауль и Амандина – были словно на седьмом небе. Все наши жертвы оказались не напрасны. Наши усилия наконец-то дали плоды. Человек прорвал барьер смерти и вернулся с рассказами о том свете. А что же там, еще дальше, за этим светящимся и нематериальным миром?

После холодной воды Феликс потребовал стакан рому. Амандина налила ему еще один.

Меня трясло от возбуждения:

– Надо созвать пресс-конференцию. Люди должны узнать...

Рауль тут же меня осадил:

– Слишком рано, – сказал он. – Пока что наш проект должен оставаться таким, как он есть: «Совсекретно».

64. Люсиндер

Президент Люсиндер поглаживал шею Верцингеторига. Он был в восторге.

– Так что же, Меркассер, у них получилось?

– Да. Я своими глазами видел кассету с записью взлета и посадки этого... танатонтавта.

– Танатонавта?

– Это они изобрели такое слово для обозначения своих «подопытных кроликов» или «свинок». Означает «разведчик смерти» или что-то в этом духе, по-гречески.

Президент прикрыл глаза и улыбнулся.

– Неплохо, совсем даже неплохо. Очень поэтично. По крайней мере, мне нравится. В какой-то степени технический жаргон, но некоторая серьезность нам не повредит.

В действительности Люсиндер просто ликовал. Неважно, как их назвать: некропилоты, смертолетчики, визитеры рая... Смысл один и тот же.

Меркассер попробовал привлечь к себе внимание. В конце концов, именно он организатор проекта и, стало быть, имеет все основания гордиться успехом. Доверяя, как и прежде, той линии поведения, что разработала его супруга, он рискнул:

– По сути дела, они стали пионерами-разведчиками Новой Австралии.

– О да, Меркассер! Вы наконец-то ухватили мою мысль.

Министр пытался убедить его в выгодах этого открытия, но именно он, президент, обладающий столь грандиозной дальновидностью, войдет в учебники истории. Люсиндер подумал, что вот оно – бессмертие. Ему возведут памятники на площадях, улицы станут носить его имя... Он уже заплатил цену: десятки погибших или, кажется, что-то около сотни... Но ему удалось!

Меркассер прервал поток мечтаний о славе:

– А сейчас, мсье президент, что будем делать?

65. Учебник истории

«После запуска первых танатонавтов результаты превзошли все ожидания. Первый же доброволец, Феликс Кербоз, немедленно смог взлететь и сесть на танатодром. Пионеры танатонавтики были поражены, насколько быстро они сумели достичь успеха».

Учебник истории, вводный курс для 2-го класса

66. Кельтская мифология

«В кельтской мифологии тот свет представляет собой таинственную область, где нет ни смерти, ни работы, ни зимы. Он населен богами, духами и вечно юными людьми. Галлы называли эту страну „Аннвн“. Там находится котел воскрешения и рог изобилия. Котел воскрешения возвращает к жизни погибших воинов, а из рога изобилия питаются бессмертные.

Для галлов и ирландцев страна „Аннвн“, или тот свет, столь же реален, как и наш материальный мир. Достаточно определенных магических приемов, чтобы перемещаться из одного мира в другой».

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

67. После праздника

– Хотела бы я быть Феликсом.

Амандина, обычно столь сдержанная, уже не пыталась скрывать свою радость. Как и после каждого сеанса эксперимента, я провожал ее домой. В тот вечер мы были слегка под мухой. На танатодроме мы смогли отпраздновать наш секретный триумф только бутылкой игристого – денег-то не хватало. И все же наши пластмассовые стаканчики подлетали высоко.

– Какой же фантастический момент мы пережили! Как бы я хотела стать первым человеком, первым танатонавтом, ступившим на запредельный континент и вернувшимся оттуда! Как бы я хотела быть Феликсом!

Я же пытался удержаться пока на этой земле.

– Не так-то это просто. У него была причина, движущая сила. Вы же слышали, его самого притягивал свет. Он колебался, возвращаться ли ему. Феликс сумел это сделать только оттого, что был прежде всего «запрограммирован» добиться снижения срока заключения именно в этом мире.

Я прибавил газу. За стеклами машины, в полумраке проносился угрюмый пригородный пейзаж. Я взглянул на Амандину, которая вновь углубилась в себя, несмотря на ухабистую дорогу.

Я начинал ее лучше понимать. Рауль однажды мне о ней рассказал. Эта красивая женщина была очень сознательной медсестрой. Даже слишком сознательной. Амандина не могла больше выносить, как в той больнице, где она работала, на ее глазах умирают порученные ей пациенты. Еще в школе она терпеть не могла, когда ей ставили плохие оценки. В больнице же каждая такая смерть ей казалась еще одной единицей. Когда ее больной умирал на операционном столе, она чувствовала себя за это ответственной.

Коллеги ей все время твердили, что не ее это вина, но она им не верила. Она продолжала упорствовать во мнении, что каждая смерть была новым доказательством ее некомпетентности.

Амандина считала, что люди умирают из-за нехватки любви. С ее точки зрения, даже умирающий от рака человек сам его выбрал. А если он сделал такой выбор, то только оттого, что его окружение оказалось не в состоянии привить ему любовь к жизни. Соответственно, она все больше и больше должна была любить каждого из своих пациентов. И так как они все равно умирали, она упрекала саму себя, что недостаточно разнообразно их развлекала.

Бесполезно лишний раз подчеркивать, что Амандине – с таким ее характером – подошла бы несколько иная профессия. Но, как и в случае Рауля, неудачи лишь заставляли ее пытаться вновь и вновь – вплоть до полной победы или самоуничтожения. Когда она случайно увидела небольшое объявление о проекте, связанном с сопровождением умирающих, куда требовалась трудолюбивая медсестра, она немедленно откликнулась. Едва Рауль Разорбак упомянул о «Проекте Парадиз», как Амандина уже решила посвятить себя телом и душой этому начинанию, направленному на возвращение мертвых в мир живых.

Удивительно, но казалось, ее ничуть не смущало столь большое число жертв на начальной стадии проекта. Амандина обладала странной логикой: она была готова не колеблясь убить один за другим несколько человек в надежде, что в каком-то неопределенном будущем это спасет множество других людей.

– Как бы я хотела быть Феликсом, – повторила она. – Он такой храбрый и сам такой красивый.

Я надул губы. Какая такая необходимость преувеличивать? Храбрый – может быть, но красивый? Этот питекантроп?

– Должно быть, он перенес такие ужасные испытания на том свете.

(Это как раз ты становишься очень красивой, когда говоришь о Феликсе...)

– Что сейчас будем делать? – спросил я, чтобы переменить тему.

– Собираются увеличить число пусков. Рауль уже объявил хорошие новости министру Меркассеру. Сам президент хочет нас лично поздравить. Он уже связался с директором тюрьмы, чтобы тот отобрал еще сотню кандидатов в отряд танатонавтов.

Она также с увлечением стала говорить, что надо бы устроить вечеринку.

– Он это заработал, – промурлыкала она, едва сдерживая радость.

68. Полицейское досье

На запрос по поводу основных сведений

Фамилия: Кербоз

Имя: Феликс

Цвет волос: сильно облысевший блондин

Рост: 1 метр 95 см

Особые приметы: высокий рост, на лице шрамы

Примечание: первый танатонавт, вернувшийся в мир живых

Слабое место: низкий уровень умственного развития

69. Читая прессу

СКАНДАЛ: ПРЕЗИДЕНТ ЛЮСИНДЕР ПРИНОСИТ В ЖЕРТВУ УЗНИКОВ ПОД ПРЕДЛОГОМ НАУЧНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.

Нам потребовалось провести длительное расследование, чтобы убедить самих себя, что президент Люсиндер – не кто иной, как величайший преступник нашей эпохи. Еще более извращенный, чем Ландрю или Петю⁶, президент Люсиндер, наш глава государства, избранный большинством французов, хладнокровно убивал людей, которых даже никогда не видел.

Его жертвы: заключенные, которые не просили ничего, кроме шанса спокойно искупить свои прегрешения. Его мотив или, если хотите, отговорка: изучение смерти! Потому что, по сути дела, наш президент обладает одним прелюбопытнейшим хобби: нет, этот не гольф, не экзотическая кулинария и даже не нумизматика – это смерть!

Заручившись поддержкой нескольких сообщников, а именно, министра науки Меркассиера, безумного профессора-биолога Рауля Разорбака, полуграмотного анестезиолога Мишеля Пинсона и медсестры-карьеристки Амандины Баллю, президент принялся разить направо и налево.

По имеющимся оценкам, руками этой «бригады запланированной смерти» уже умерщвлено сто двадцать три заключенных, и все ради лишь удовлетворения нездорового любопытства деспотичного главы государства.

Похоже, мы вернулись во времена варварства, когда римские императоры держали в своих руках жизнь и смерть беспомощных рабов. Несчастных без разбора убивали одного за другим, чтобы посмотреть, не оживит ли их плащаница Иисуса Христа.

В наше же время, однако, нет ни императоров (пусть даже Люсиндер порой и сравнивает себя с Цезарем!), ни рабов. По крайней мере, мы так полагали до сегодняшнего дня. Мы были убеждены, что нами руководит президент, демократически избранный своими согражданами. Президент, чья первейшая обязанность – это забота о благосостоянии своего народа, а не о его уничтожении!

Как только директор тюрьмы Флери-Мерожи, возмущенный омерзительным зрелищем трупов, изо дня в день накапливаемых в подвалах этого исправительного учреждения, поведал правду о сих злодеяниях в эксклюзивном интервью, данном нашей газете, оппозиция тотчас потребовала лишить Люсиндера президентского иммунитета. Парламент немедленно назначил комиссию для проверки этих фактов.

Большинство опрошенных министров отказываются верить этим свидетельствам, но некоторые из них уже объявили, что, если комиссия получит доказательства массовых убийств, они сразу же подадут в отставку.

⁶ Л а н д р ю, А н р и Д е з и р е (1869–1922) – пообещав жениться, увозил женщин (достоверно известно про 11 человек, в т. ч. одного мальчика) в отдаленные поселки и там убивал (отравлял и т. д.). Отдельные части тела съедал. Деньги и ценные вещи (в общей сумме примерно на 36 тыс. франков) прятал. Казнен на гильотине 25 февраля 1922 г. Доктор П ь е р М а р с е л ь П е т ю (1897–1946) – в марте 1944 г. в его парижской квартире обнаружили 27 трупов. Защитник утверждал, что все они были информаторами гестапо. Сам Петю признался в 63 убийствах. Казнен на гильотине 25 мая 1946 г.

Что же касается министра Меркассьера, то он, не дожидаясь результатов расследования, бежал в Австралию вместе с женой и укрылся там от руки правосудия.

70. Столкновение с толпой

Эйфория сменилась горечью. Окрыленные удачей Кербоза, мы взлетели, чтобы тут же свалиться обратно под градом оскорблений и всеобщее улюлюканье.

Директор Флери-Мерожи справился со своей задачей хорошо. Дело разрасталось с каждым днем. Газеты предприняли массированную атаку. Их первые полосы намекали, что нас самих следовало бы сделать «подопытными кроликами». Опросы показали, что 78 % населения считало, что нас нужно обезвредить, как можно быстрее посадив за решетку.

Магистрат объявил о начале уголовного расследования. Вызывали нас по очереди. Мне посулили кое-какие поблажки, ежели я дам показания против своих сообщников. Думаю, то же самое говорили и другим. Сильно сомневаясь во всех этих обещаниях, я предпочел держать язык за зубами.

Судья магистрата приказал провести обыск, и полиция перевернула вверх дном мою квартиру. Разобрали даже пол, доску за доской. Можно подумать, я там прятал трупы!

Вызвали меня и на собрание нашего жилищного кооператива, где дружески пожелали: «Чтоб к концу месяца твоего духу здесь больше не было!» Консьержка мне пояснила, что из-за одного только моего присутствия в этом доме цены на недвижимость упали во всем квартале.

Я едва осмеливался выйти из дому. На улице за мной бегали дети и кричали: «Мясник Флери-Мерожи, мясник Флери-Мерожи!» В поисках человеческой теплоты мы с Амандиной выработали привычку регулярно собираться у Рауля. Он, похоже, относился ко всем этим вещам хладнокровно. «Эти мелкие, преходящие осложнения не остановят ход Истории», – считал он.

Надо отдать ему должное за такое умение сохранять спокойствие. Рауля выгнали с поста профессора в Национальном центре научных исследований. Его кабриолет, «Рено-20», был взорван каким-то «Комитетом выживших узников», организацией, доселе никому не известной. На двери того дома, где он жил, огромными красными буквами намалевали: «Здесь жирует душегуб 123 невинных».

Как-то раз, когда мы пытались поднять друг другу настроение, вспоминая полет Кербоза, некий мужчина в надвинутой на глаза шляпе позвонил Раулю в дверь. Президент Люсиндер собственной персоной. После краткого взаимного знакомства он сообщил нам последние новости. Особенно ободряющими они не были. Утвердившись за столом, словно он был на совещании, Люсиндер произнес:

– Друзья мои, пора готовиться к урагану. То, что нам пришлось пережить до сих пор, ни в какое сравнение не идет с тем, что нас ждет. И друзья, и политические враги, все они объединились, чтобы свести со мной счеты. Им нет никакого дела до нескольких заключенных, что отправились к праотцам, но они страстно желают сами стать калифом в нашем халифате. Я в особенности опасаюсь друзей, они знают, как до меня добраться. Сожалею, что втянул вас в этот переплет, но, в конце концов, мы знали, чем рискуем. Эх, если бы только нас не предал этот прохвост Меркассьер со своим скудоумным директором Флери-Мерожи!

Итак, президент опустил руки. Я был на краю паники. Рауль же, верный самому себе, и глазом не моргнул, даже когда влетевший булыжник разнес вдребезги еще одно окно в гостиной.

Рауль разлил нам по стаканам виски.

– Вы все заблуждаетесь. Никогда обстоятельства не были для нас столь благоприятны, – объявил он. – Если бы не эта непредвиденная утечка информации, мы бы все еще возились

себе потихоньку в тюремном подвале. Но сейчас мы на пороге великого дня. Мсье президент, весь мир склоняет голову перед вашей отвагой и вашим гением.

Люсиндер, похоже, был настроен скептически.

– Пóлно, пóлно вам, голубчик. Мне польстить легко.

– Нет-нет, – настаивал мой друг. – Мишель был прав, когда сказал, что надо было как можно быстрее сообщить в прессе о наших результатах. Феликс – герой. Он заслуживает известности и признания.

Президент не мог взять в толк, куда Рауль клонит. Я же понял с ходу. Прямо с места я выпалил:

– Надо атаковать, а не сидеть в обороне! Все вместе, сообща, против слабоумных!

Поначалу мы напоминали группу конспираторов, попавших в западню. Но затем это впечатление потихоньку стало рассеиваться. Да, нас мало, но мы с характером. Может, мы не особенно гениальные, но сообща мы попытались изменить мир. Сдаваться нельзя. Амандина, Рауль, Феликс, Люсиндер. Никогда еще я не испытывал такого чувства сплоченности с людьми.

71. Греческая мифология

«После того как Эра Памфильского оставили лежать на поле брани, сочтя за убитого, он оказался в комнате с четырьмя проемами: два выходили на небо, а остальные два – на землю. На небо поднимались добродетельные души. На землю спускались тени. Через один проем преступные души отправлялись вниз, а через другой поднимались души, покрытые пылью и прахом.

Эр увидел, каким наказаниям подвергали несчастных грешников. Потом он достиг чудесного места, где стоит огромная колонна – мировая ось. В сопровождении душ Эр добрался до земли Кет, где течет река Амелес, чьи воды несут забвение.

Тут раздался чудовищный гром, и Эр вернулся к жизни на погребальном костре, к великому неудовольствию всех окружающих. Он поведал, как увидел страну мертвых и как вернулся оттуда целым и невредимым. Его рассказам никто не верил. Все презрительно поворачивались к нему спиной».

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

72. Полный вперед!

Скандал приобрел совершенно дикие масштабы. Каждая газета пестрела фотографиями того, что они называли нашей «лабораторией запрограммированной смерти». В жестком свете ламп-вспышек комната производила зловещее впечатление, словно пыточная камера. Злобствующие журналисты даже добавили на первый план окровавленные ланцеты и клещи с налипшими на них волосами.

Потом они обнаружили некий «президентский склеп». На самом деле это был тюремный крематорий Флери-Мерожи. Так как от тел наших неудачливых танатонавтов уже не осталось и следа, сообразительные журналисты соорудили фотомонтаж с подкрашенными в розовый цвет манекенами.

Фотосъемку они вели самым бессовестным, надувательским образом, чтобы придать снимкам побольше драматизма и реализма, как будто их делал некий шпион прямо в ходе нашей работы. Одному из репортеров удалось сфотографировать настоящее самоубийство во Флери-Мерожи. Заключение повесился уже после того, как нам запретили появляться на танатодроме. Это ничего не изменило. Фотография его распухшего лица, с высунутым языком и выскочившими из орбит глазами, быстро разошлась по всем журналам. Под снимком несчастного парня, которого мы даже никогда не видели, стояла скромная подпись: «Они

обнаглели!» Тут же, чуть ниже, красовались и наши портреты: а вот и его убийцы. Мы подали на них в суд за клевету, но толку из этого не вышло.

Словно крысы, бегущие с корабля, министры один за другим подавали в отставку. Было сформировано правительство кризиса. Президент Люсиндер был освобожден от всех полномочий главы государства вплоть до получения более полной информации.

Из Австралии Меркассер обвинил Люсиндера в том, что тот заставил министра приступить к проекту, несмотря на все возражения. Меркассер и словом не упомянул о нашем успешном эксперименте.

Люсиндер осторожничал и не отвечал на каждый такой удар. Он довольствовался единственным появлением в популярной телепередаче, где заявил, что всех пионеров-первопроходцев третировали и унижали в свое время. Он говорил о невообразимом прогрессе, о завоевании того света, о неизведанном континенте.

На журналистку, бравшую у него телеинтервью, это не произвело никакого впечатления. Она парировала тем, что уголовные преступники оставались людьми, а не «морскими свинками», даже если у президента и имелось право санкционировать смертельно опасные опыты.

Жан Люсиндер проигнорировал ее замечания. Словно ставя точку в интервью, он поднял голову и, глядя прямо в камеру, заявил:

– Дорогие телезрители, дорогие сограждане, да, я признаю, что во время опытов погибли люди, погибли во имя знания, во имя прогресса человека. Но мы добились успеха! Один из наших добровольцев побывал на том свете и вернулся оттуда целым и невредимым. Его имя – Феликс Кербоз. Он своего рода летчик, пилот, путешественник в смерть. Мы назвали его танатонавтом. Мы готовы немедленно с ним повторить эксперимент. Если нас постигнет неудача, я готов отдать себя на ваш суд и я заранее знаю, каким строгим он будет. Я предлагаю, чтобы завтра же моя исследовательская группа провела еще одну попытку запуска на тот свет, в присутствии всего телевидения Франции и мира. Эксперимент состоится во Дворце Конгресса, в 16 часов.

73. Мифология индейцев Амазонки

«Когда-то люди не умирали.

Но как-то раз одна девушка повстречала Бога Старости. Он поменялся с ней кожей, отдав свою, древнюю и сморщенную, и получив взамен нежную и гладкую.

С этого момента люди начали стареть и умирать».

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

74. Все или ничего

16 часов. Парижский Дворец Конгресса кишел людьми. Зрители обменивались газетами и комментировали новые изобличения, исходящие от неутомимого Меркассера и непримиримого директора тюрьмы, вышедших на передний план событий.

Двое депутатов, сидевших в первом ряду, не скрывали своих впечатлений:

– С этим бедным Люсиндером все покончено. Захотел узнать про страну мертвых, вот и доигрался! В любом случае его политическая смерть неизбежна.

– Однако же посмотрите, как они все тут обставили... – неуверенно произнес второй собеседник. – Должно быть, он припас-таки пару козырей. Люсиндер – старая лиса.

– Да вы сами подумайте! Это же его лебединая песня. За него только 0,5 % жителей! И то понятно почему. Всегда найдется 0,5 % полоумного населения, верящего в сверхъестественное и NDE.

Оба пожали плечами.

В слепящем свете двух «юпитеров» симпатичная рыженькая журналистка вещала в телекамеру:

– В зале присутствуют восемь научных экспертов для наблюдения за всеми манипуляциями и обнаружения любого подвоха. Некоторые специалисты полагают, что президент Люсиндер собирается использовать двух братьев-близнецов: убить одного и якобы воскресить другого. Это старый, всем известный фокус. Но благодаря стольким телеобъективам, со всех сторон окружающим сцену, такой трюк никогда не выйдет. Трудно представить, как глава государства, и так уже полностью дискредитированный в глазах общественности, решился на подобный обман!

В ожидании «спектакля» стихийно формировались группы. Все спорили, переспрашивали, интересовались друг у друга:

– Вы читали статью в «*Утреннем вестнике*»? Там один ученый очень хорошо объясняет, почему нельзя пережить смерть. «После того как головной мозг перестает орошаться, происходит его некротизация. Когда погибает нервная клетка, она теряет свои физиологические свойства, а именно, способность функционировать и запоминать».

– Послушайте, а что там такое насчет сверхдозы какой-то природной эндокринной жидкости, вызывающей загробные галлюцинации? Вы этому верите?

Насмешливое фырканье.

– Не вижу, с какой это стати агонизирующее тело будет тратить свою последнюю энергию на создание таких образов!

В первом ряду двое депутатов поудобнее устроились в своих креслах.

– Люсиндер захотел войти в Историю с большой буквы, – сказал один. – Что-что, а это ему удалось. Вломился сквозь огромную дверь! Сто двадцать три убийства на руках. Не каждый день встретишь такого главу государства.

– Интересный намечается судебный процесс!

Вспыхнули огни рампы. В середине сцены стояло простое стоматологическое кресло. Мотки электрических проводов вели к огромным, мигающим, словно слепые глаза, экранам.

Происходящее в прямой трансляции передавалось в шестьдесят с лишним стран. Президент Франции, выставляющий себя на всеобщее посмешище. Это обещало стать не хуже рок-концерта или футбольного матча!

Рабочие сцены поставили восемь стульев вокруг стоматологического кресла. Здесь усядутся восемь экспертов, назначенных парламентской комиссией. Четыре врача, три биолога и даже один фокусник-престижиджигатор.

Они появились под гром оваций. Зал бурлил. Он приветствовал этих украшенных козлиными бородками старичков академиков, словно матадоров, спускавшихся на арену для сражения с диким быком. Им было немного не по себе. Никогда еще они не были столь популярны, занимаясь своей работой. Кое-кто из них даже стал здороваться за руку с толпой. Если им светило получить уши и хвост президента, то терять такой шанс не хотелось. Вооружившись авторучками словно бандерильями, они принялись заносить в свои тетрадки всякого рода наблюдения.

В свою очередь, на эстраду поднялся широко известный телеведущий с напыженными волосами, сопровождаемый теле- и звукооператорами. После нескольких пробных записей звука и изображения вспыхнул красный глазок телекамеры.

– Дамы и господа, добрый вечер и спасибо, что вы опять с нами на канале RTV1, наш девиз: «Смотри хоть целый день!» Здесь, в этом зале Дворца Конгресса, атмосфера страшно напряжена. Президент Люсиндер готовится поставить свою карьеру на одну-единственную карту: доказать всему миру, что на тот свет можно путешествовать, как на отдаленный континент. Накал эмоций среди публики достиг предела. Станем ли мы беспомощными свидете-

лями еще одного убийства? Или, напротив, это будет эксперимент века? Тревожное ожидание нарастает...

75. Мифология Гренландии

«С точки зрения жителей Гренландии, рай находится на дне Океана. Там царит вечное лето с солнцем в зените. Те, кто заслужат этот рай, смогут, наконец, обрести покой и воспользоваться плодами своего труда. Это царство изобилия, где всегда в достатке собак, оленей, рыбы и медведей. Тюлени уже сварены и их можно сразу есть».

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

76. Семья

Мать непрерывно названивала:

– Сынок, не ходи!

Конрад же советовал побыстрее удрать в Аргентину.

Все эти доброты лишь подхлестывали мое желание не оказаться конформистом.

Я их убеждал, что и речи быть не может, чтобы я покинул своих друзей в эту трудную минуту. Ответственность за все происходящее частично ложилась и на меня. Придется отвечать.

– Что ж, если ты туда пойдешь, то и я тогда, – сказала мать. – Я буду защищать своих детей зубами и когтями, что бы ни случилось!

Именно так она и сделала. Когда ее заметил тележурналист RTV1, искавший, чем бы заполнить эфир в ожидании великого момента, моя родительница распахнула свое сердце миллионам зрителей.

– Понимаете, мой Мишель всегда был очень добрый, готовый помочь всем и каждому. Конечно, у него есть мелкие недостатки, но он ни в коем случае не преступник. Если уж президент Франции позволил себе увлечься этими идеями, то почему бы и не мой сын? Это все из-за одиночества, что мой мальчик оказался замешан в этой истории. Жить все время одному, конечно, бог знает что в голову взбредет! Если бы он только меня послушал, если бы он только женился, ничего этого бы не было! У моего Мишеля никогда не было большой силы воли. Это все из-за этих вот горлопанов вроде Разорбака. – *Потом, тихим голосом:* – А скажите, как вы думаете, мне разрешат носить ему передачи в камеру?

Напомаженный журналист признал свое полное невежество в этом вопросе и вежливо отделался от моей матери.

77. Библейская мифология

Согласно Библии, жизнь Адама можно суммировать в двенадцать этапов:

В первый период скопилось гора пыли.

Во второй период пыль превратилась в бесформенную массу глины.

В третий период сформировались члены и тело человека.

В четвертый период в человека вдохнули душу.

В пятый период человек встал на ноги.

В шестой период он дал названия всему, что его окружало.

В седьмой период он получил Еву в спутницы.

В восьмой период в два часа дня они прилегли отдохнуть, в четыре встали.

В девятый период человеку приказано не вкушать плод дерева познания.

В десятый период он совершил проступок.

В одиннадцатый период он был осужден.

В двенадцатый период он был изгнан из Эдема.

Отрывок из работы Френсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

78. Быть или не быть

Первым выйти на арену – я хотел сказать, на сцену – это вам, знаете ли... У меня сердце ушло в пятки. Эксперты отказались пожать руку, а позади уже стояла Амандина, как мне казалось, окаменевшая от страха.

Аудитория взорвалась.

Какой-то мужчина в рабочей куртке и кепочке выскочил вперед:

– Сволочь! Ты моего сына убил!

Изо всех сил я вцепился в микрофон:

– Мы никого не убивали! – закричал я, надсаживая глотку. – Никого! Все заключенные, принявшие участие в «Проекте Парадиз», добровольно пошли на эксперимент. Они знали весь риск и каждый раз сами, лично нажимали на кнопку запуска.

– Запуска? Смерти, а не запуска! Кто может быть добровольцем на смерть? Здесь есть хоть один такой доброволец? – прокричал кто-то.

– Смерть убийцам в белых халатах! Смерть убийцам в белых халатах! – бешено скандировали зрители.

Свист обрушился на сцену с удвоенной силой, когда к микрофону подошел президент Люсиндер. К его ногам полетели помидоры. Полицейский кордон, выставленный перед сценой, немедленно пополнился подкреплениями.

Президент принялся делать умиротворяющие жесты. Долгий опыт выступлений на бурных политических митингах все-таки позволил ему повлиять на возмущенный зал.

– Дамы и господа, друзья мои, – сказал он, – успокойтесь! Эксперимент, который мы собираемся провести на ваших глазах, уже однажды увенчался успехом, но в отсутствие официальных экспертов, которые могли бы его засвидетельствовать. Сейчас я отдаю себя на суд нации, даже всей планеты. Если этот человек, которого мы на ваших глазах отправим на тот свет, оттуда не вернется, я обязуюсь предстать перед судом и ответить за свои ошибки.

Прозвучало еще несколько оскорблений, но все же сумятицу очень быстро сменила тяжелая тишина. Только что появился Кербоз. Проекторы немедленно нацелились на Феликса и его безукоризненный смокинг – новую униформу танатонавта. Его голова бандита резко контрастировала с одеянием английского денди. Доставили его сюда меж двух жандармов. По измученному лицу Феликса я понял, что что-то случилось.

Телеведущий немедленно взялся за дело:

– А вот и Феликс Кербоз, единственный человек, который – по словам президента Люсиндера – совершил невозможное: путешествие в оба конца между миром живых и миром мертвых. Этот же подвиг он попытается повторить еще раз перед камерами всей планеты и в эксклюзивной телепередаче канала RTV1, наш девиз: «Смотри хоть целый день!»

Мы обеспокоенно переглянулись. Все мы уже достаточно хорошо знали Феликса, чтобы ощутить его неуверенность. Может, это на него толпа так действует?

Президент хлопнул его по плечу.

– В форме, Феликс?

Болезненная гримаса еще больше исказила лицо Феликса. Телезрители, присоединившиеся к передаче не с самого начала, даже подумали, что попали на фильм ужасов.

– Э-э... бывало и получше.

– Нервишки?

– Да нет же! – рывкнул Феликс. – Ноготь у меня врос, сука! Всю ночь промаялся. Президент подскочил на месте.

– Ноготь? Что ж вы раньше не сказали!

Люсиндер хотел было устроить Феликсу взбучку, но момент был не тот.

– Вросший ноготь, это мне знакомо. Очень болезненно, но это легко вылечить.

– Да я наглотался аспирина, но все равно болит. Достало уже!

Я предложил перенести эксперимент на попозже. Если Феликс страдает, он может захотеть уйти в свет, а не возвращаться обратно в свое тело с болячками.

Президент принялся его упрасивать:

– Вы вернетесь в жизнь, Феликс, вы мне обещаете? Я уже подписал указ о вашей амнистии. Если у вас все получится, вы будете свободны, совершенно свободны. Вы понимаете, Феликс? С этого момента вы станете уважаемым гражданином.

Феликса, похоже, это не очень убедило.

Аудитория, колебавшаяся, что делать – выкрикивать новые оскорбления или аплодировать, – затаила дыхание.

Ведущий пояснил, что президент ободряет своего подопечного на манер тренера перед боксерским матчем.

Мы с унылой миной стали готовить свой инструментарий.

Люсиндер резко потряс Феликса за плечи:

– Вы будете свободны! Вас станут называть «многоуважаемый месье Кербоз», вы станете богатым и знаменитым! Вы будете ездить в машине с открытым верхом, люди будут вам аплодировать и забрасывать конфетти, как Нила Армстронга, кто первым ступил на Луну!

– Да-а, оно, конечно, хорошо, кабы не этот хренов ноготь.

– Черт возьми! Да ведь после всех этих ядов, что вы проглотили, после вашей язвы, волдырей, продырявленной кожи – ну ведь не заставит же этот несчастный больной ноготь забросить мечту о лучшей жизни!

– Но ведь там и так хорошо, я такой легкий, ничего не трогает...

Люсиндер потерял терпение:

– Феликс, жизнь – это вам не чушь собачья!

– Да я и сам уже думал, что же такого хорошего было в моей жизни? Ничего не могу вспомнить, в том-то все и дело.

– Деньги, женщины, дорогие одеколоны, шезлонги на солнечном море, машины, дворцы, – стал перечислять Люсиндер.

Затем, применив политический подход и поставив себя на место своего «подопытного кролика», он добавил:

– А если вы предпочитаете алкоголь, наркотики, насилие, скорость... Давайте, Феликс! Вы нам нужны. Сейчас у вас в друзьях президент, замечательные ученые, самая очаровательная из медсестер! Ну кому еще так повезло?! Мы на вас рассчитываем.

Феликс опустил глаза и покраснел, как виноватый ребенок:

– Да я... это... знаю я все. Но там они мне хорошего желают. А здесь мне никогда не везло... ноготь опять же этот... все злятся кругом... В этом мире и удовольствий-то никогда не было. Я уж давно об этом думаю.

Люсиндер в ошеломлении уставился на верзилу Феликса:

– Удовольствий не было? Феликс, вы хотите сказать... никогда... вы никогда не...

Наш шкаф залился пунцовым румянцем:

– Ну да. Кроме мамы, меня никто не любил, а мама-то... она ведь там.

Толпа начала терять терпение.

– Смерть обезьянней морде! – выкрикнул какой-то шутник.

Ведущий попробовал кое-как вмешаться:

– Феликс Кербоз, рост метр девяносто пять, вес сто килограммов, довольно гармоничные показатели для его возраста. Судя по моим вырезкам из газет, вес и рост никак не влияют на характер перехода из жизни в смерть, но все же желательно, чтобы объект находился в хорошей физической форме.

Амандина нисколько не забыла, о чем говорили между собой Феликс и президент. Она вышла вперед:

– Так вы девственник, Феликс?

Тот уже совсем стал багровый.

Медсестра-блондинка немного помялась, что-то обдумывая, а потом прошептала нечто на ухо своему пациенту. Немедленно по лицу Феликса побежали один за другим все цвета радуги. Он раздвинул губы в жалком подобии улыбки. Со стороны эта парочка напоминала Квазимодо с Эсмеральдой. Квазимодо, готовящийся к пытке...

Феликс не спускал с Амандины глаз. Потом он пришел в себя.

– Ладно, можно. Этот сучий ноготь все равно шас отпустит.

Люсиндер предложил мне добавить болеутоляющего в «ракетоноситель», чтобы Феликс больше не чувствовал свой больной палец, но я отказался. Не тот случай для экспериментов с новыми смесями. 800 миллиграммов тиопентала будет моей дозой, и никаких прочих медикаментов помимо обычного состава.

Президент Люсиндер лично развязал галстук-бабочку на смокинге Кербоза. Затем он закатал ему рукав и стал накладывать электроды. Так посмотреть, он этим всю жизнь занимался.

– Люсиндер, убийца, проваливай!

Я подошел помочь. В конце концов, сейчас мы все были в одной лодке.

Амандина старательно занималась своей работой.

Язвительные насмешки впивались в нее, словно копья, но она предпочитала все или ничего. Амандина отрегулировала электрокардиограф, электроэнцефалограф и затем подарила мне слабую улыбку, хотя оскорбления продолжали литься потоком.

– Убийцы-душегубы! Убийцы-душегубы!

Эта фраза перекачивалась по всему залу, который принялся ее ритмично скандировать.

Феликс Кербоз дышал все медленней и медленней, точно так, как его учил Рауль. Он вдыхал носом и выдыхал через рот. Этот прием дыхания был изобретен, кажется, чтобы помочь роженицам.

– У меня все готово! – объявил президент Люсиндер, когда закончил прилаживать последний электрод на волосатой груди танатонавта.

– У меня тоже, – сказал Рауль, зажимая датчики пульса.

– Готов! – сказал я.

– Готова! – присоединилась к нам Амандина.

Ученые экспертной комиссии приблизились, чтобы получше обследовать комплекс аппаратуры. Они проверили, правильно ли работают электроды и датчики, измерили также Феликсу пульс. Престижитатор каблуком простучал настил сцены в поисках скрытого люка и прочих хитроумных механизмов. Он шилом потыкал в обивку кресла, чем привел в восторг публику, ожидавшую, надо полагать, что он вот-вот обнаружит некий тайный ход прямо в нашем стоматологическом кресле. Закончив, он подал сигнал остальным. Те живо принялись строчить в своих тетрадках. Потом они остановились и, удовлетворив свое любопытство на данный момент, жестом показали нам, что мы можем приступать. Тишина.

В необъятном Дворце Конгресса можно было слышать, как душа летит.

– Вперед! – прорычал Рауль, довольно-таки раздраженный всей этой враждебной толпой.

– Ладно, чао, ребята! – сказал Феликс, помахивая своими толстыми, как сосиски, пальцами.

Амандина погладила его редкую поросль на макушке и чмокнула в уголок рта, как раз когда он собирался сомкнуть веки.

– Возвращайся! – прошептала она.

Феликс улыбнулся и начал отсчет:

– Шесть... пять... четыре... три... два... один... Пуск!

И тут же нажав на кнопку, он вылетел из этой жизни.

79. Учебник истории

В конце XX столетия словари и энциклопедии так определяли, что такое смерть:

СМЕРТЬ: полное прекращение жизни.

Бытовое определение: Про человека говорят, что он умер, когда его сердце больше не бьется и он перестал дышать.

Определение, принятое в Америке в 1981 г.: Индивидуум объявляется умершим после необратимого прекращения всех функций головного мозга.

Медицинское определение: Необратимая остановка сердечных сокращений. Искусственный характер дыхания, поддерживаемого за счет механического насоса. Полная потеря всех рефлексов. Исчезновение всех энцефалографических сигналов. Полное разрушение структур головного мозга.

Формальности, выполняемые в случае смерти: Сообщить о смерти в ближайшую мэрию. Участковый патологоанатом удостоверит факт смерти и выпишет справку, которую передаст семье покойного или сотруднику похоронного бюро. Эта справка, вместе с семейной книгой регистрации рождений и смерти, должна быть представлена в мэрию, которая в обмен на справку выдаст разрешение на закрытие гроба и разрешение на погребение. В случае насильственной или подозрительной смерти участковый патологоанатом уведомляет государственного прокурора, который может потребовать провести аутопсию. Семья покойного не обязана публично разглашать причину смерти. Прежде чем приступать к погребению, требуется подождать минимум двадцать четыре часа.

Цены на кладбищенский участок: Зависят от длительности существования кладбища, его известности и стоимости земли. Цена за квадратный метр, естественно, выше в городах, чем в сельской местности.

3 000 франков за обычный гроб белого дерева. Прибавить дополнительно для черного или красного дерева, на внутреннюю обивку.

1 800 франков за услуги похоронного бюро плюс дополнительно по числу привлеченных работников.

3 000 франков за аренду катафалка.

4 800 франков за ритуальные предметы, цветы и различные украшения.

700 франков за мраморную плиту.

1 000 франков в год по уходу за могилой.

200 франков на извещения. Плюс почтовые расходы.

1 000 франков НДС.

1 300 франков муниципальный налог.

200 франков за церковную службу (предусмотреть дополнительно сумму в зависимости от конкретной религии и требуемых услуг: месса, хор и т. д.).

Итого 17 000 франков минимум, без учета стоимости кладбищенского участка.

Учебник истории, вводный курс для 2-го класса

80. Ожидание

Вот уже десять минут, как на кардиограмме рисуется лишь плоская линия и ни единого писка от энцефалографа!

Верный своим привычкам, Рауль Разорбак заносил в рабочий журнал все показатели: время, температура, сердечная деятельность, церебральная, электрическая, личные впечатления и так далее.

Рауль подошел к нам, вид озабоченный.

– Ну как? – рискнул я.

Он пожал плечами.

Толпа молчала, разглядывая бездыханного человека в свете прожекторов. Словно мухи над падалью, вокруг кресла крутились эксперты и делали свои собственные записи, громко скрипя авторучками по разлинованной в клеточку бумаге. Они постоянно находили все новые и новые приборы, требовавшие изучения. Если по правде, они это делали, чтобы размять ноги, но при этом имели всё понимающий вид, позволявший предположить худшее.

Престижитатор оказался самым лучшим актером: его богатая мимика выражала все оттенки сомнения и недоверия.

Телеведущий RTV1 уже не знал, чем заполнить паузу. Он высказался о погоде, столь удачной для такого эксперимента, и изложил историю Дворца Конгресса, под чьей крышей и раньше происходили поразительные события.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.